

A movie poster featuring a woman with blonde hair in a dark, low-cut dress in the foreground, looking intensely at the camera. Behind her, a man in a dark suit and tie looks off to the side. In the background, another man in a suit is visible but out of focus. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows.

Елена Гросс

Цена
МОЛЧАНИЯ

18+

Елена Гросс

Цена молчания

<https://litres.ru/74094304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык покупать всё, что хочет.

Женщин, молчание, чужие страхи.

Она появилась в его жизни как красивая картинка - слишком холодная, слишком спокойная и слишком любящая деньги. Он решил, что она будет терпеть всё, если цена достаточно высока.

Он ошибся.

Чем глубже она входит в его роскошный мир, тем опаснее становится игра. За закрытыми дверьми - грязные секреты, жестокие правила и люди, которые умеют исчезать. Он, то осыпает её подарками, то ломает одним словом... и не только. Он хочет приручить её, сделать полностью своей, заставить забыть, кто она была до него.

Но она пришла не для этого.

А рядом всё время стоит его охранник. Опасно молчаливый, слишком внимательный и чертовски привлекательный. Он видит больше, чем должен. И, похоже, сам играет в свою игру.

Трое. Один дом. Слишком много лжи.

И одна правда, которая в конце концов разнесёт всё в щепки.

У молчания есть цена.

У правды - она своя.

Но самая высока цена у мести.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	17
Глава 3.	30
Глава 4.	47
Глава 5.	59
Глава 6.	69
Глава 7.	77
Глава 8.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Елена Гросс

Цена молчания

Пролог.

По телевизору шёл выпуск новостей.

Последний месяц одна история делила эфир со всеми остальными новостями поровну — и неизменно выигрывала. Молодой мужчина. Мёртвая жена. Их собственный дом. Адвокат, который месяц кормил прессу заявлениями о невиновности клиента с таким аппетитом, словно это была его личная победа ещё до вынесения приговора. Сам подсудимый появлялся в кадре редко — уставший, осунувшийся, с лицом человека, которого одновременно перемалывают горе и правосудие. Что из этого оказалось тяжелее — понять было невозможно. Дело слушалось за закрытыми дверями.

Сегодня двери наконец открылись.

Толпа у здания суда собралась заранее: журналисты, камеры, зеваки с поднятыми телефонами. Все ждали финала. Кто-то — справедливости. Кто-то — картинки.

Он вышел первым.

Безупречный деловой костюм. Свежая стрижка. Улыбка человека, который знал, чем закончится этот день, и потрудился к нему подготовиться. Толпа сомкнулась вокруг него

мгновенно — микрофоны, вспышки, голоса поверх голосов.

— Я рад, что суд во всём разобрался, — произнёс он с той теплотой, которую удобно принять за искренность.

— А кто тогда убил вашу жену?! — выстрелил чей-то голос из толпы. — В вашем же доме?!

Улыбка не исчезла. Она просто стала другой.

— Следствие продолжит работу, — сказал он ровно, почти скучающе. — Но это уже не моя история. За месяц в СИЗО я понял одно: мне будет не хватать моей жены. Всем нам придётся жить дальше.

Взгляд — охране. Охрана — толпе. Через десять секунд его машина уже скрывалась за поворотом.

Телевизор выключили.

Глава 1.

Такси бизнес-класса везло меня по ночному городу. Я смотрела в окно, наблюдая за мигающими огнями баров и ресторанов, и думала об одном: поездка проходит слишком быстро, я не успеваю собраться с мыслями. А мыслей в последнее время в моей голове было катастрофически много — они громоздились одна на другую, как машины в пробке, и так же никуда не двигались.

И вот машина затормозила на узкой улочке. Самый центр города, где сосредоточены лучшие заведения, — и одним из них был бар «Монро». Лучший из лучших. Именно сюда постоянно наведывались все богатые и знаменитые этого мегаполиса. Попасть туда — такова была моя цель. Именно поэтому я готовилась к этому вечеру целую неделю.

На мне было бежевое шёлковое платье на тонких бретелях и красные туфли на высоком каблуке. В руках — маленькая сумочка на золотой цепочке. Сегодня днём я посетила парикмахера и визажиста. Я должна была выглядеть на тысячу баллов из ста, а потому выбирала только лучшее — от нижнего белья до автомобиля. Всё это было своего рода билетом в «Монро». Других билетов у меня не было.

Я подождала, пока водитель откроет мне дверь и поможет выйти. Я сделала это элегантно и невозмутимо, после чего уверенной походкой направилась к входу заведения, у ко-

торого стояло несколько охранников. Я чувствовала, как их взгляды скользят по мне — оценивают, взвешивают, выносят вердикт, — но не подала виду, что меня это хоть сколько-нибудь волнует. Шла, не сбавляя шага, пока не поравнялась с ними. Вопросительно, сохраняя безупречно-холодное выражение лица — то самое, которое я репетировала перед зеркалом, — посмотрела на одного из охранников, пока он не открыл передо мной дверь и не пожелал хорошего вечера.

Правильное решение.

Внутри я сразу направилась к барной стойке. Мне нужно было срочно выпить что-нибудь крепкое, чтобы перейти к следующей части плана. Попала я сюда, разумеется, не ради того, чтобы оценить местный интерьер — хотя интерьер, надо признать, был безупречен. Моей истинной целью было найти богатого и влиятельного мужчину. Да, как бы банально это ни звучало. Но скажите мне: а кто этого не хочет? Я просто не строю из себя свободную и независимую женщину. По крайней мере, перед самой собой — я честна.

В любовь я давно не верила. Пробовала — не понравилось. Что такое любовь, если разобраться? Коктейль из дофамина, окситоцина, вазопрессина и серотонина. В сухом остатке — удовольствие. Теперь понимаете, почему любовь покупается и продаётся так же легко, как хороший ужин в дорогом ресторане?

— Мне текилу, пожалуйста, — сказала я бармену. Он молча кивнул, и уже через минуту рядом со мной стояла на-

полненная рюмка.

Я выпила залпом и поставила на стойку.

— Повторить? — спросил бармен.

Я сначала отрицательно качнула головой, но тут же передумала:

— Сделай мне мохито. Безалкогольный.

Я присела на барный стул и, пока ждала коктейль, начала неторопливо осматриваться. Народу было немного. Кто-то сидел за столиком, кто-то проводил время за кальяном, кто-то в одиночестве смотрел в телефон. Ничего критичного — вечер только начинался, время ещё было. Бармен поставил передо мной бокал и переместился на другой конец стойки, чтобы обслужить следующего клиента. Я взяла коктейль в руки и, сделав небольшой глоток через трубочку, посмотрела на этого посетителя.

По виду он больше напоминал персонаж из девяностых, каким-то чудом переместившийся в наше время. Их неисребимая любовь светить логотипами брендов во всю спину — это, кажется, не поддаётся никакому лечению. Вот и сейчас, даже с другого конца «Монро», его Gucci читался безо всякого труда. О вкусах, конечно, не спорят, хотя временами очень хочется.

В следующий момент мужчина в Gucci подошёл ко мне, держа в руках бокал:

— Привет, красотка. — И попытался чокнуться, пока я сидела совершенно неподвижно.

— Добрый вечер, — ответила я без малейшей заинтересованности. Кидаться на первого встречного не входило в мои планы. Особенно на такого.

— Может, сядем за столик, пообщаемся? — не сдавался мужчина.

— Спасибо, но не сегодня.

— Да ну, зай — начал он что-то говорить, но между нами неожиданно легла чужая мужская рука.

— Прости, брат, но эта девушка со мной, — произнёс голос у меня над ухом. Негромкий, с лёгкой хрипотцой — и при этом такой уверенный и чёткий, что послушаться казалось чем-то за гранью возможного. Всё происходило на уровне инстинктов: ты мгновенно понимаешь, кто здесь главный, ещё до того, как успеваешь осмыслить это рационально.

Мужчина в Gucci хмыкнул и отправился на дальнейшие поиски компании на вечер. Меня же один вечер не интересовал. Я играла в долгую.

Я повернула голову в сторону оставшегося стоять рядом мужчины и отсалютовала ему бокалом, не произнеся ни слова. Этого было достаточно, чтобы внимательно его рассмотреть. Он, безусловно, был хорош собой. Из тех, на кого обернёшься даже на улице — просто потому что не обернуться невозможно. Дорогой костюм, дизайнерская рубашка с растёгнутыми верхними пуговицами, стильно уложенные волосы — всё это лишь дополняло то, что создала природа. Смазливый он не был — скорее, наоборот. Такие в детстве

нередко комплексуют из-за внешности, зато вырастают в образцовых хищников.

Он продолжал стоять рядом, рука по-прежнему лежала на барной стойке. Он чуть сощурил глаза, изучая моё лицо — так, будто читал текст на незнакомом языке. Несмотря на ощущение, что меня сейчас оценивают основательнее, чем на любом фейсконтроле, я сохранила невозмутимое выражение и смотрела в ответ с таким же спокойствием. Внутри, однако, всё было иначе: я поймала себя на том, что мне отчаянно хочется, чтобы его вердикт оказался в мою пользу. Только показывать этого было категорически нельзя. Хищник не уважает добычу, которая сдаётся сама.

Спустя какое-то время мужчина произнёс:

— Меня зовут Руслан. Мы здесь с другом отмечаем знаменательное событие. — На последней фразе его губы тронула кривоватая усмешка, смысл которой мне был непонятен. — Наблюдал за тобой несколько минут. Вижу: одна, скучаешь. Не хочешь присоединиться?

— Дина, — последовал мой холодный ответ — без тени флирта.

На это Руслан широко улыбнулся.

— Не хочешь присоединиться к нам, Дина? — повторил он, с намеренным акцентом на моём имени.

— Честно говоря, нет, — улыбнулась я так обворожительно, насколько позволяла ситуация. Улыбка с его лица никуда не делась — только в глазах что-то блеснуло, выдавая воз-

росший интерес. — Я, собственно, уже собиралась уходить. Зашла буквально на пару минут.

— Часто здесь бываешь? — Его взгляд скользил по моему лицу и периодически съезжал в зону декольте. Руслана это нимало не смущало — он без всякого стеснения рассматривал всё, что ему было интересно.

— Время от времени, — расслабленно повела я плечом, давая понять: дорогие заведения для меня не событие, а обычный фон жизни.

— Дина, я надолго тебя не задержу. Выпьешь с нами по коктейлю. А то сидим мужской компанией — нам не хватает такой красоты рядом. — И он наклонился к моему уху и тихо произнёс: — Соглашайся.

От этого незначительного жеста по всему телу рассыпались мурашки. Это был какой-то запрещённый приём, потому что я физически не могла заставить себя ответить «нет». А запах дорогого парфюма и вовсе действовал как гипноз — обволакивал, не отпускал, лишал здравого смысла. Когда Руслан отодвинулся, оставаясь при этом в пределах моего личного пространства, мы посмотрели друг другу в глаза.

— Хорошо, но только на один бокал. Завтра рано вставать, дел много — не могу позволить себе задержаться, — произнесла я холодно, хотя внутри всё перевернулось с ног на голову. И, кажется, Руслан прекрасно это понимал.

— Как скажешь, Дина. Насильно держать не буду. Мы и сами здесь не на всю ночь — у меня тоже, знаешь ли, дела.

— Он засмеялся так, будто слегка подшучивал над моими.

Руслан протянул мне руку, чтобы помочь спуститься с барного стула. Я не отказалась. Но когда ноги уже твёрдо стояли на полу, я попыталась освободить ладонь — и почувствовала, как его пальцы сжались крепче. Руслан снова улыбнулся. Так, рука в руке, мы направились к столику, за которым сидел мужчина крепкого телосложения — тоже в классическом костюме. Когда мы подошли ближе, он оторвал взгляд от телефона и спокойно меня осмотрел. Никакого мужского интереса — только профессиональная оценка: кто такая, что из себя представляет, потенциальная угроза или нет. Его внимание мне было не нужно. Свою мишень я к тому моменту уже определила.

Руслан жестом пригласил меня сесть на мягкий диванчик и тут же опустился рядом.

— Познакомься: мой друг и по совместительству начальник безопасности — Богдан. — Теперь первый взгляд этого человека стал понятен: он, по всей видимости, оценивал меня на профессиональном уровне — с точки зрения безопасности своего работодателя. — Богдан, эту прекрасную девушку зовут Дина. Будь любезен.

Богдан изогнул бровь в немом вопросе. Руслан засмеялся. Если это и была какая-то внутренняя шутка, я её не уловила — впрочем, мне было не особенно важно. Вести душевные разговоры я сегодня ни с кем не планировала. Богдан так ничего и не сказал — лишь вновь уткнулся в телефон, всем

видом давая понять, что ни я, ни его друг в данный момент его не интересуем.

— Дин, что пить будешь? — Руслан махнул официанту.

— Мохито, пожалуйста, — сделала я заказ и повернулась к Руслану, решив всё же поддержать разговор. — Так расскажешь, что именно вы сегодня отмечаете?

Он закинул руку на спинку дивана за моей спиной и расхохотался, откинув голову назад.

— Ты что, новости совсем не смотришь?

— Честно — нет, — прямо ответила я. — А зачем? Я и без того знаю: доллар стабильным не бывает, экономика наша — тоже. Не вижу смысла лишний раз расстраиваться.

— Удивительная ты девушка, Дина. Хотя новости и вправду лучше не смотреть — на каждом шагу враньё. Так что если что — спрашивай у меня, я тебе всю правду расскажу. — Руслан продолжал веселиться, и его рука за моей спиной пришла в движение — лёгкое, почти случайное касание обнажённого плеча. Этого оказалось достаточно, чтобы поднялась новая волна мурашек и внутри что-то опасно потеплело. Ещё немного — и я буду готова уехать к нему прямо сегодня. А этого допустить было категорически нельзя.

Когда принесли мой заказ, я подняла бокал:

— Ну что ж — за событие, о котором, судя по всему, знает вся страна, кроме меня! — Сделала пару глотков и вернула бокал на стол. — Приятно было познакомиться, но мне и правда пора.

— Оставь номер телефона. — Руслан протянул мне разблокированный телефон.

— Если это судьба — мы встретимся и без того, — произнесла я, чуть приближаясь к нему, и рефлекторно облизнула нижнюю губу. Его глаза вспыхнули, и мне на мгновение показалось, что он вот-вот меня поцелует. Я и сама не знала, чего хотела в тот момент больше — чтобы это случилось или всё-таки нет. Но телефон на столе завибрировал, и Руслан взял его в руки.

— Чёрт, звонок важный. — Он взглянул на экран и бросил Богдану: — Дан, проводи Дину до такси. — А потом мне: — Я тебя обязательно найду.

Он принял звонок и вышел из-за стола в поисках более тихого места для разговора. Богдан поднял на меня недовольный взгляд — терпеть его я уже не собиралась.

— Не нужно, я справлюсь сама, — сказала я в сторону этого угрюмого начальника безопасности. Тот никак не отреагировал на мои слова и с неожиданной для своих габаритов лёгкостью поднялся на ноги.

— Пойдём, — буркнул он и направился к выходу.

Я шла следом, не понимая смысла этого жеста. В метро я не терялась — что сложного в том, чтобы самостоятельно вызвать такси?

Уже на улице Богдан подошёл к первой же машине у входа — то ли такси, то ли чей-то личный автомобиль с водителем. Он о чём-то коротко переговорил с водителем и сунул ему

в руки купюру номиналом в пять тысяч. Этого было более чем достаточно, чтобы меня довезли до дома. После этого Богдан подошёл к пассажирской двери и открыл её.

Когда я уже сидела внутри, он неожиданно наклонился и негромко, но совершенно серьёзно произнёс:

— Держись от него подальше.

И закрыл дверь.

Всю дорогу я ехала молча и пыталась разобрать значение этой фразы. Слова были понятны — но что за ними стояло? Профессиональный рефлекс охранника? Смешно. Или я не прошла его внутренний фейсконтроль? Если так — плохие новости. Нравиться ему мне было незачем, но и вызывать раздражение в мои планы точно не входило. Что ж, будем разбираться по мере поступления проблем.

А пока можно констатировать: сегодняшний вечер прошёл именно так, как я и задумывала.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. В этом расслабленном, почти довольном состоянии меня и привезли домой.

Глава 2.

Я в сотый раз просматривала ролик, который записал какой-то блогер. В нём подробно рассказывалось о судебном процессе — включая домыслы разных людей о том, что же произошло на самом деле. Большинство сходилось во мнении, что Руслан Заварский — я к тому времени уже знала его фамилию — виновен в смерти своей жены, но деньги творят чудеса, и он сумел откупиться.

Верила ли я в эту версию? Допускала — вполне. Люди, имеющие власть, действительно не всегда видят границу между допустимым и запретным. Точнее, эта граница постоянно сдвигается, как только человек начинает ощущать, что деньги — это не средство, а язык, на котором говорит мир. И нужные знакомства только ускоряют этот процесс. Для меня всё это был какой-то параллельный, незнакомый мир со своими правилами — жёсткими, негласными и абсолютно реальными. Но именно в этот мир мне нестерпимо хотелось попасть. И теперь я точно знала: место рядом с Русланом свободно.

Просматривая видео, я пыталась считать эмоции на его лице по тем редким нарезкам, которые блогеру удалось добыть из открытых источников. Вот — мужчина на каком-то приёме в сопровождении тогда ещё живой супруги. Они оба выглядят довольными и счастливыми. Девушка не подаёт

никаких тайных знаков о помощи — это однозначно. Напротив, она всем телом тянется к мужу, как будто ищет в нём защиту или тепло. Он же собственнически держит её за талию — но чуть ниже, чем того требуют приличия, словно ненавязчиво обозначает: моя.

Следующий кадр снимали буквально через день. Руслана выводят в наручниках. Он пытается скрыть лицо, но в его чертах всё равно читается что-то похожее на глубокую, тяжёлую грусть. Он выглядит обречённым. Или нет? Задумчивым? Я пересматривала этот момент снова и снова, но так и не могла решить. Между двумя кадрами — всего один день. А казалось — целая жизнь.

Дальше шли официальные съёмки судебного процесса. Там Руслан уже напоминал тигра в клетке, который просто устал от происходящего — не сломлен, но измотан до дна. И, конечно, было то самое эпичное видео со дня освобождения. Его странная речь то ли доказывала, что он сам считает себя правосудием, то ли это были просто издержки напряжённого последнего месяца.

За несколько дней, прошедших после нашего первого знакомства, я тщательно собрала о нём всё, что могла найти. Успешный бизнесмен, владеющий половиной коммерческой недвижимости в городе и близлежащей области. Рукопожатный со многими политиками страны. Недавно запустил новую компанию по строительству элитного жилья. В интервью по этому поводу он сказал:

— Я для своей жизни выбираю всё самое лучшее — поэтому и городу подарю то, чем можно будет гордиться.

Амбициозно. Пафосно. Но уверенно — без единой трещины в интонации. Было видно: в собственных словах он не сомневается ни на секунду.

Уверенный в себе хищник и нарцисс. Последнее особенно наглядно демонстрировали его социальные сети, которые я изучила с левого аккаунта и даже подписалась. Самый удобный способ следить за человеком — особенно если этот человек обожает внимание толпы. Стало очевидно: Руслан любит дорогие курорты, увлекается экстремальными видами спорта, но не пренебрегает и гольфом. Судя по коротким видео, у него всё выходит легко и красиво. В кадр он всегда смотрит уверенно, только улыбка бывает разная: от высокомерной ухмылки до широкой — такой, чтобы было видно все идеальные белые зубы.

Ночная жизнь тоже не обходила его стороной. Дорогая выпивка — чаще всего, как и в день нашего знакомства, виски со льдом. Позавчера он был на дне рождения сына губернатора, преподнеся имениннику коллекционную бутылку The Macallan шестидесятилетней выдержки. А буквально вчера курил кальян в «Монро» в компании девушек модельной внешности.

Фотографии по работе тоже были — но большую часть информации о его деловых заслугах я почерпнула не из соцсетей, а из интернета и с официальных сайтов его компа-

ний. Именно вчерашняя фотография заставила меня изменить планы и выйти на связь раньше, чем через намеченную мной неделю. Такие, как Руслан, быстро находят себе развлечение — на день, месяц, год. Я же не хотела быть одной из. Я намеревалась стать единственной. По крайней мере, официально. Что касается верности — не думаю, что Руслан когда-либо её хранил. В том числе со своей женой.

Аккаунты последней я изучила тоже. Мне нужно было понять, какой типаж цепляет его настолько, что он был готов поставить штамп в паспорте. Марианна Заварская — миниатюрная классическая блондинка. Страничка её говорила сама за себя: отдых, шопинг, салон красоты, красивые завтраки и полезные ужины. Совместные фотографии с кем-либо — только снимки с мужем. На них они оба выглядели безупречно, но она при этом всегда смотрела на Руслана с каким-то тихим обожанием — так собака смотрит на хозяина в ожидании лакомства за хорошее поведение.

Я внимательно изучила черты её лица. Становиться копией погибшей в мои планы не входило. Хотя по забавному совпадению какое-то неуловимое сходство между нами имелось. Если он действительно убил её — в моих интересах это сходство спрятать. Быть ходячим призраком и живым напоминанием — не та роль, которую я репетировала. Но всё сильнее мне казалось, что именно это сходство и привлекло его в тот вечер в баре. А значит, при определённой осторожности это тоже можно использовать. Главное — не

перегибать.

На телефон пришло уведомление: у Заварского новая публикация. Я немедленно зашла на его страницу. Руслан сидел в каком-то пафосном ресторане рядом с губастой шатенкой. Сколько надо наглости, чтобы спустя такое короткое время после похорон, на которые он не попал из-за следствия, публиковать фотографии с очередными девицами. Впрочем, я была ему за это даже благодарна. Геотег на фотографии не стоял, зато в комментариях уже кто-то услужливо написал: бизнес-форум, выставочный зал в центре города, 19:00, выступление Руслана Заварского. Вот и всё, что мне было нужно.

Зайдя на сайт форума, я посмотрела стоимость билетов. Не удержалась — тихо присвистнула. И тут же вспомнила маму, которая всегда в таких случаях говорила: «Не свисти в доме — денег не будет». Усмехнулась. Собственно, этим мы сейчас и занимаемся — поэтому я разорилась на последнее место в первом ряду. Потом устало зевнула и поднялась с расштанного дивана. Стянула через голову любимую домашнюю футболку, которая служила мне единственным предметом одежды, и отправилась в душ.

Для этого формата мероприятия я выбрала летний элегантный брючный костюм. Я должна выглядеть как деловая женщина — а не как претендентка, пытающаяся запрыгнуть в последний вагон. С причёской и макияжем на этот раз справилась сама — не зря я в последнее время пересмотрела

столько обучающих видео. Вышло неплохо: низкий аккуратный пучок с парой намеренно выбившихся прядей и сдержанный макияж с единственным акцентом — красные губы.

В 18:30 я выходила из такси бизнес-класса у входа в выставочный зал. Дала себе ровно полчаса, чтобы сориентироваться и осмотреться. Внутри была организована небольшая сцена с трибуной и микрофоном, за которыми размещался экран для проектора. По периметру зала выстроились портативные выставочные стенды от разных компаний — они предлагали то ли услуги, то ли строительные материалы, я так и не разобрала. Я останавливалась у каждой такой палатки — именно так я их мысленно называла, — но почти не вслушивалась в то, что мне говорили. В голове методично прокручивались возможные сценарии развития событий, и под каждый из них я заранее выстраивала свой следующий ход.

Руслана я заметила незадолго до начала его выступления. Он должен был открыть форум — и пришёл в сопровождении всё той же губастой шатенки с фотографии. К моей лёгкой досаде это обстоятельство окончательно планов не ломало — лишь подзадорило. Ближе к 19:00 голос ведущего попросил всех занять места, и публика дружно потянулась к рядам расставленных стульев. Я заняла купленное место — с самого края первого ряда — и стала ждать. Это я умела делать очень хорошо.

На удивление, точно в назначенный час началась офици-

альная часть. До этого момента Руслан стоял вместе с шатенкой в компании ещё какого-то мужчины и что-то активно обсуждал. На свою спутницу он не обращал особого внимания — как будто уже забыл, что пришёл сюда не один. Когда ведущий объявил о начале, Руслан жестом показал шатенке куда-то в сторону зрительных рядов и уверенно поднялся на сцену.

Этот антураж был ему органичен — как хорошо сшитый костюм. Здесь он был как рыба в воде, и, не медля ни секунды, подошёл к трибуне и начал речь.

— Друзья, приветствую вас на этом форуме, официальным спонсором которого является моя компания «Люкстрой». Я не хочу грузить вас сложной терминологией — уверен, в обычный рабочий день её у вас и без меня хватает. — По залу прокатились сдержанные смешки. — Я просто хочу рассказать о новых стандартах в строительстве, которые теперь стоят во главе угла нашей работы. Я убеждён: мы стоим у истоков новой эпохи!

Он взял паузу — намеренную, просчитанную — и неспешно осмотрел зал. Его взгляд скользнул по первому ряду и наткнулся на меня. Он довольно усмехнулся. Я не шевельнула ни одной мышцей на лице, давая понять: его выступление здесь — не причина моего присутствия. Совпадение. Не более.

— Рад видеть в зале знакомые лица, — продолжил Руслан с той же довольной интонацией. — Давайте сразу перейдём

к делу, чтобы не задерживаться до позднего вечера — у кого-то наверняка есть планы поинтереснее. У меня так точно. — Зал снова отозвался смехом. — Итак. «Люкс-строй» полностью отказывается от экономии на материалах. Даже элитное жильё в нашей стране строят из говна и палок, о чём в приличном обществе не говорят. Покупая втридорога квартиру в премиальном районе, все жильцы со временем сталкиваются с теми же проблемами, что и в эконом-сегменте: трещины в стенах, кривые полы, некачественные окна. Моя компания выбирает лучшее — от самих материалов до бригад, которые возводят для вас не просто стены, а пространство для жизни. Да, это дороже, чем привычный вам дом бизнес-класса. Но если считать по-честному — лет через пять более дорогое вложение окажется куда более выгодным для всех нас. Во-вторых

Руслан продолжал говорить, а я — совершенно неожиданно для себя — заслушалась. Теперь я понимала, как вожди поднимали народ на войны одним только словом. Будь я уверена, что в конце речи Руслан предложит закидать камнями конкурентов, половина зала, не задумываясь, двинулась бы вперёд. Харизматичный, острый, уверенный в каждой произнесённой фразе — он явно знал своё дело и говорил о нём без малейшей фальши.

Выступление длилось около сорока минут. Когда оно закончилось и публике предложили перерыв перед следующим докладчиком, я встала с места и уверенно двинулась

к выходу, внутренне отсчитывая каждый шаг. На сто пятьдесят пятом — чётком, ровном — меня схватили за руку и резко остановили. Я обернулась с выражением лёгкого удивления и едва уловимого раздражения.

— Опять убегаешь, Дина? — снова с акцентом на моём имени. Он улыбался довольно — почти торжествующе. Внутри я тоже была вполне удовлетворена: имя он запомнил.

— Я посмотрела всё, что планировала, — ответила я спокойно и ровно.

— Руслан, — к нам уже спешила губастая шатенка. — Ты закончил?

Он даже не взглянул на неё, продолжая изучать моё лицо.

— Марин, дела появились. Сама доберёшься?

— Я Карина, между прочим, — надула она губы ещё значительнее.

— Карин, сама доберёшься? — на этот раз он коротко посмотрел на неё, по-прежнему не выпуская мою руку. Марина-Карина фыркнула и удалилась в неизвестном направлении. Меня это зрелище не удивило и не впечатлило. Я продолжала ждать, когда же меня наконец отпустят.

Когда мы остались одни — если можно так выразиться в переполненном людьми зале — Руслан сделал ещё один шаг ко мне.

— Я тебя нашёл. И, кажется, мы оба уже поняли, что хочет от нас судьба, — вернул он мне мой собственный аргумент.

— И что же она хочет? — с лёгкой заинтересованностью,

чуть склонив голову набок, отозвалась я.

— Чтобы мы прямо сейчас пошли и посидели в каком-нибудь приличном месте, познакомились поближе. А дальше — посмотрим. Читать судьбу на несколько ходов вперёд я ещё не научился. — Он продолжал изучать меня — так же, как в тот первый вечер. Я поняла одно: рядом с этим человеком нужно постоянно контролировать и слова, и эмоции. Каждую секунду.

Я демонстративно посмотрела на часы.

— Если за полтора часа ты успеешь её прочитать — шанс есть. Потом мне нужно уехать.

— Мне кажется, хватит и десяти минут. Но возьму всё, что дашь.

Мы сидели за столиком в очень уютном кафе. Уют создавал не только безупречный интерьер, но и вышколенные официанты — они обслуживали нас почти незримо, неслышно следя за тем, чтобы чай был налит, а на столе не задерживалась ни одна использованная салфетка. Я немного расслабилась и устроилась в кресле чуть свободнее. Руслан был расслаблен с первой минуты, как мы сели в его автомобиль, — вальяжно, как человек, которому нигде не бывает тесно.

— Дина, я всё никак не могу понять: кто ты такая? — спросил он без обиняков. — Раньше никогда тебя не видел, а теперь — дважды за такое короткое время.

— Может, потому что раньше ты был не свободен? — от-

ветила я, тем самым выдавая, что всё-таки поинтересовалась тем самым знаменательным событием.

— Ааа, — рассмеялся Руслан. — Посмотрела новости. Ну и что думаешь?

— Что всё не так, как кажется, — сказала я прямо. — Я не суд и не бог. Считаю, что тот эпизод твоей жизни меня не касается.

Это, кажется, заинтересовало его сильнее, чем что-либо сказанное мной прежде. Он подался вперёд, облокотившись на стол.

— Так кто же ты такая, Дина? — Его взгляд снова пытался пробиться сквозь моё спокойствие — залезть глубже, найти то, что спрятано. Но наткнулся на ровную, непроницаемую поверхность.

— Честно говоря — ничего особенного, — отмахнулась я. — Такой биографии и такого списка достижений, как у тебя, мне не собрать. Всё просто: я недавно в этом городе. Решила, что пришло и моё время покорять столицу.

Он слушал внимательно, явно пытаюсь отделить правду от вымысла. Но всё, что я сказала, было чистой правдой — до последнего слова.

— И как? Покоряется?

— С переменным успехом, — усмехнулась я. — Пытаюсь найти себя. Хожу на разные форумы, смотрю, что мне близко, а что нет. Пока ничего по-настоящему стоящего не нашла.

— Много перебрала? — спросил он с очевидным двойным подтекстом.

Я внимательно посмотрела на него, взвешивая ответ. И снова выбрала правду — поставив локти на стол зеркально его жесту:

— Не поверишь, но это первый. — Я говорила ровно — и тоже вложила в слова второй смысл.

Мы ещё немного говорили ни о чём. К прошлому — ни его, ни моему — не возвращались: молчаливое взаимное решение, не требовавшее слов. Провожая меня до вызванного им заранее такси, Руслан сказал:

— Дин, мне кажется, между нами есть что-то, что стоит продолжить. Как смотришь на полноценный ужин завтра — без ограничений по времени?

— Давай попробуем, — ответила я с лёгкой отстранённостью, которая давалась мне всё труднее.

На прощание Руслан наклонился и целомудренно поцеловал меня сначала в одну щёку, потом в другую. А потом — фирменным хриловатым голосом, прямо в ухо — прошептал:

— Спокойной ночи. Пахнешь — просто улёт. Будь ты в моей власти, я бы уже сегодня понюхал тебя везде.

Я ехала домой в компании разных, слегка противоречивших друг другу эмоций. Теперь у меня есть его номер телефона. И мой — у него. А завтра — ужин. Без ограничения по времени, если я правильно поняла.

Глава 3.

К этому вечеру я начала готовиться с самого утра. Долго не могла определиться с платьем. Мне хотелось выглядеть сексуально, но при этом — недоступно. Задача со звёздочкой. В моей прошлой жизни сексуальность всегда ассоциировалась с короткими платьями и глубокими декольте. Мир Руслана был устроен иначе — тоньше, эстетичнее, требовательнее.

Пришлось снова открыть аккаунт погибшей Марианны Заварской. На мой взгляд, она всегда выглядела безупречно — но именно так, как выглядит женщина, которую долго и терпеливо огранивали: элегантно, дорого, без единого лишнего жеста. Мне хотелось впитать её стиль, но собрать из этого что-то своё. Повторюсь: быть призраком я категорически не собиралась.

В итоге на свидание я немного опаздывала. Руслан прислал за мной машину, но выйти вовремя не получалось никак. Чертыхаясь, я металась по квартире в поисках красной помады, которую вчера куда-то забросила. Нашла под диваном. Как она туда попала — раздумывать не стала. Подошла к зеркалу и окинула себя критичным взглядом.

Чёрное приталенное платье: верх с квадратным вырезом, не открывающим ничего лишнего, на подоле сбоку — разрез до середины бедра, который обнажает резинку чулок, но

только когда я сижу. Зато спина полностью открыта до пояса — только по бокам есть ткань, помогающая передней части оставаться сдержанной и строгой. неизменные туфли на шпильке, на этот раз чёрные. Именно то, что нужно.

Признаться, на эти образы я потратила все свои сбережения, когда перебралась в Москву. Расставаться с деньгами было не больно — я точно знала, ради чего. Сложнее оказалось понять, что именно достойно внимания, а что — нет. Я бродила по торговому центру, как слепой котёнок, которого только что вытащили из коробки. Мне нравились отдельные вещи, но как они сложатся в итоговую картинку — я не понимала совершенно.

В двадцатом по счёту отделе, когда я уже почти отчаялась и собиралась ехать в другой торговый центр, мне попалась девушка-консультант, совмещавшая должность стилиста. Я объяснила проблему и рассказала, что именно хочу изменить в своём образе. Она долго изучала меня — одетую в рваные джинсы и толстовку, — осматривала молча и сосредоточенно. В какой-то момент мне показалось, что она думает, что я сошла с ума. Но потом удовлетворённо кивнула и сказала:

— База хорошая, работать будет легко. Я знаю, что тебе надо.

Так появился новый гардероб. Надеюсь, когда придёт время его пополнить, я обязательно вернусь к ней. Надеюсь, что придёт.

На моё опоздание водитель никак не отреагировал. За всю поездку не проронил ни слова — только поздоровался при встрече и попросается при высадке. Возможно, начальник безопасности Руслана специально отбирает персонал по критерию молчаливости. Или это корпоративное правило. Мне было не особенно важно — говорить с ним я тоже не видела никакого смысла.

Когда я вошла в зал ресторана и хостес проводила меня к столику, Руслан уже был там. Увидев меня, он встал и сделал несколько шагов навстречу.

— Дина, ты бесподобна. — Он лично отодвинул мне стул и позволил сесть. Но тут же не отошёл. Вместо этого убрал с шеи мои распущенные волосы и невесомо поцеловал кожу — едва касаясь, как будто просто обозначая своё право. — Если бы я заранее знал, как ты выглядишь сзади, то подобрал бы эпитет получше, чем «бесподобна».

Сидеть безвольной куклой я больше не могла — мои бёдра сжались сами собой, без всякого разрешения с моей стороны. Это не ускользнуло от внимания Руслана. Когда я через плечо подняла на него взгляд, то увидела: он как раз наблюдает — за этим непроизвольным движением и за несколькими сантиметрами видимой резинки чулок. Он нервно сглотнул и сел напротив. Несколько секунд мы смотрели друг на друга — примеривались, насколько нам вообще нужен сейчас этот ужин, если есть возможность уехать прямо сейчас. Но это была бы для него слишком лёгкая победа. Поэтому

заговорила первой я, старательно удерживая остатки холодного образа:

— Спасибо за комплимент, Руслан. Можем выбрать что-нибудь из еды? Честно говоря, с утра ничего не ела. Не оказалась бы от обещанного ужина.

Руслан продолжал изучать меня — почти всегда он смотрел именно так: внимательно, неотрывно, словно мечтал препарировать мой мозг, тщательно порыться в нём, а затем пересобрать детали так, как ему удобно. Если в первый раз этот взгляд смущал меня не на шутку, то сейчас я не позволяла себе подобных эмоций. Я тоже умею смотреть так — только с ним мне в итоге всё равно приходится сдаваться.

— Я уже заказал — на свой вкус, чтобы не тратить время на меню и перейти к более интересным темам. — Мужчина наконец ожил. — Но если хочешь выбрать сама — не возражаю.

— Я не против. — Я смотрела ему в глаза. — Главное, чтобы там было что-то помимо травы.

— Так и знал, — засмеялся Руслан. — Что ты точно не травоядная. Не обижай меня такими предположениями. Я заказал тебе то же, что и себе: тёплый салат из мраморной говядины, стейк рибай с гарниром и бутылку Sassicaia. Тебе должно понравиться. Плюс десерт — к сожалению, не из мяса. — Развёл руками. — Но ты обязана попробовать: фирменный «Наполеон» этого заведения — отдельная религия.

В этот момент к столику подошёл официант с обозначен-

ной бутылкой. Потребность отвечать на вопрос про меню отпала сама собой — я просто наблюдала, как официант откупоривает вино и наливает Руслану пробную порцию. Тот взял бокал, неторопливо покрутил его в руке, вдохнул аромат и попробовал. Коротко кивнул. Официант разлил вино в оба бокала и бесшумно отступил.

— Дина, попробуй. — Не то приказ, не то предложение. — Это вино из поместья в Тоскане. Виноград здесь культивируют годами, собирают исключительно вручную, отбирают каждую ягоду. Его создают трепетно и с терпением, чтобы оно стало одним из лучших в мире. В итоге — глубокий рубиновый цвет с малиновыми бликами. — Руслан слегка покачал бокал, демонстрируя игру света в вине. — Сложный аромат: ягоды, специи, травы. Понюхай. — Я сидела неподвижно, глядя на него. Он сделал вид, что не заметил. — Вкус очень насыщенный. Кому-то он может поначалу показаться резковатым, но послевкусие всё перекрывает. Сандал, специи. Долгое, бархатное послевкусие, которое продолжает работать ещё минут двадцать. Будоражит. Попробуй, — мягко закончил он.

На этот раз я не стала игнорировать, но взяла паузу.

— Руслан, мы ведь сейчас не о вине говорим?

— Почему же — о вине. Всё, что я сказал о нём, абсолютная правда. Но ты права: смысл — в другом. — Он говорил спокойно и вкрадчиво, как говорят с человеком, которому терпеливо объясняют очевидное. — Я очень люблю всё луч-

шее. Как хозяйева этой винодельни — я всё создаю сам, руками, с вниманием, тщательно отбираю каждую виноградину и превращаю это в нечто близкое к искусству. Дома, квартиры, бизнес женщины. Мне не нужна каждая. Мне нужна — лучшая. Не буду ходить вокруг да около: мы можем ещё пару месяцев встречаться пару раз в неделю, прежде чем ты всё равно уберёшь с лица это выражение суки и согласишься на всё. А можем и не терять время. Может, впрочем, и не согласишься и решишь вернуться в свой Мухосранск торговать цветами дальше. — Я сидела и не могла сделать ни одного глотка воздуха. Меньше суток, а он уже пробил по мне информацию. Быстро. Раньше он этого сделать не мог: только вчера узнал мой номер телефона, который и дал хоть какой-то след.

— Не дёргайся, — продолжил Руслан всё в том же ровном темпе, заметив мою нервозность. — Я всех проверяю. Всегда. Интересного там, честно говоря, немного — ни в чём ты не соврала.

— Полагаю, сейчас последует какое-то предложение? — не удержалась я.

— Оно, собственно, уже последовало. Я предлагаю тебе стать полностью моей. Ты хочешь покорить Москву? Я готов дать тебе фору — и ты окажешься на вершине сразу.

— В качестве кого? — холодно поинтересовалась я, отчего-то развеселив его.

— Любовницы. Компаньонки. Содержанки. Выбери сама

определение, с которым тебе комфортнее. Главное, не мечтай о статусе жены. В этот омут я больше не вернусь. — Он слегка поморщился, словно тех счастливых фотографий с супругой никогда не существовало.

Вот так открыто мне предложили стать содержанкой. В целом, именно об этом я и мечтала. Единственное, чего не учла: насколько цинично это может происходить на практике. Вот товар. Вот цена за то, чтобы сначала сделать из него лучшее, а затем забрать в бессрочное пользование. Почему-то я была убеждена: срок этой сделки — не один месяц, и на решение о её финале я не буду иметь никакого влияния.

— Дина, подумай. Не торопись, у нас ещё есть время до конца ужина. А пока просто наслаждайся едой: здесь она действительно великолепна.

К столику как раз подошли два официанта и в четыре руки молниеносно сервировали стол. Руслан уже приступил к своей тарелке, а мне хватило сил только на то, чтобы взять приборы в руки.

— Руслан, раз уж мы говорим обо всём прагматично и на берегу — Я волновалась безбожно, но вопрос действительно не давал покоя. Дождалась, пока он оторвётся от еды и посмотрит на меня. — А секс? Ты уверен, что мы совпадём?

— Ты боишься, что мне не понравится тебя трахать? — Покупатель волнуется о собственном комфорте — логично. Лицо держать становилось всё труднее. — Ты так и не поняла, что я говорил минуту назад. — Он устало выдохнул.

— Я создатель. Я создаю прекрасные вещи. И в сексе тоже. Я умею обращаться с женским телом так, чтобы было хорошо мне и, разумеется, женщине. Дрочить в резиновую куклу мне не интересно. Приятного аппетита, Дина.

На этом ужин продолжился в тишине. Руслан умело орудовал приборами и наслаждался едой — спокойно, с видимым удовольствием, как человек, которого ничто не способно выбить из равновесия. Я пыталась есть — получалось плохо. Поковырявшись в тарелке, я необъяснимым образом обнаружила, что съела большую часть: сказались несколько дней полуголодного существования.

В голове крутилось одно и то же. Отказаться — и сохранить гордость. К чему это приведёт? К уважению? Способны ли такие, как Руслан, уважать вообще? Или, напротив — хорошо, что всё названо своими именами? По крайней мере, без иллюзий. Мне обещают именно то, чего я хочу. Если я откажусь сейчас, сколько лет уйдёт на осуществление той же цели другим путём? И буду ли я когда-нибудь ближе к ней, чем в эту минуту?

Мои размышления прервал Руслан.

— Пока ждём десерт — я хотел бы кое-что тебе подарить. — Он достал из внутреннего кармана пиджака небольшую коробочку, положил на стол и пододвинул ко мне. — Хотел отдать в самом начале, но не стал мучить тебя голодом.

Я протянула руку к коробочке красного цвета со знаменитой надписью на крышке. Может, богатой жизни я и не знала

— но название этого бренда впитывают с молоком матери, вне зависимости от того, в каком Мухосранске ты выросла. Я лениво открыла крышку и нагло взглянула на Руслана:

— Браслет? — В моём тоне сквозило вежливое изумление — как если бы в маленькой коробочке я ожидала обнаружить как минимум дом на берегу моря в Европе, а тут — какой-то браслет.

Руслан засмеялся. Он правильно считал мой подкол.

— А часто тебе в жизни дарили гвоздь Cartier, Дина? Настоящий, с паспортом оригинала? — Он выдержал паузу. — И считай, что это не браслет. Это тестовый образец твоей возможной жизни. Вне зависимости от твоего решения он останется у тебя. Просто думаю, что так ты точнее понимаешь, какой выбор сейчас стоит перед тобой.

Я взяла браслет в руки и медленно повертела, наблюдая, как свет скользит по металлу. Я прекрасно понимала: единственный человек, который прямо сейчас может дать мне возможность видеть подобные вещи не в витрине, сидит напротив и изучает моё лицо.

В этот момент принесли десерт. Руслан продолжал наблюдать за моей реакцией. И именно в эту секунду выбор был сделан.

— Руслан, я поняла, что не хочу десерт. — Я их в принципе не любила, а после плотного ужина — тем более.

— И что же ты хочешь, Дина? — Он не отрывал взгляда от моего лица.

— Я бы с радостью посмотрела твою квартиру.

Выбор сделан и озвучен. Хотя, если быть честной с собой

— выбора у меня не было.

Его квартира находилась недалеко от ресторана. Мы добрались за считанные минуты, если точнее, за одиннадцать. Пока ехали на заднем сиденье, рука Руслана, лежавшая на спинке кресла, лениво касалась моего плеча — едва ощутимо, почти случайно. Это немного расслабляло. Почти.

Водитель остановил машину у входа в подъезд. Хотя «подъезд» было бы неточным словом. Светлый холл с высокими потолками, люстры, свисающие каскадами. Справа — лаунж-зона и что-то ещё, рассмотреть что я не успела. Да и не хотела лишний раз вертеть головой, выдавая внутренний всплеск.

Мы поднялись на бесшумном лифте на последний этаж, где располагался пентхаус. Войдя внутрь, я резко остановилась — мне нужна была секунда, чтобы проникнуться атмосферой. Мрачное жилище в тёмно-серых тонах встретило меня безупречной выверенностью каждой детали. Панорамные окна во всю стену, за которыми город лежал как на ладони — тихий, сверкающий, будто специально выставленный напоказ. Огромная гостиная с диваном, который мог бы вместить небольшой митинг. Кухонная зона с матовой техникой, о назначении половины которой я не имела ни малейшего представления. Всё это было стильно — безупречно стильно — но создавало давящую, почти физически ощути-

ую тяжесть. Как красивая клетка.

— Не стесняйся, проходи. — Руслан мягко подтолкнул меня в спину. Прошёл на кухню, извлёк из ящика бутылку вина и, не спрашивая, хочу ли я вообще пить, разлил по двум бокалам. Один протянул в мою сторону. Мне пришлось подойти и взять. И попытаться понять, по каким правилам идёт эта игра.

— Это тоже какое-то особое вино с поучительной историей? — бросила я шпильку, пытаюсь хоть немного пробить броню его спокойствия.

— Это? — Он на секунду не понял. — А, вот ты о чём. Нет. Это просто вино, которое привезли партнёры из Европы. Неплохое, с молодого винограда. Другого тут нет, а мешать вино с виски — неблагоприятная затея. Но если маленькой Дине нужна очередная история — пожалуйста. В своё время славяне употребляли вино во время погребальных обрядов.

— И кого же мы хороним? — перебила я, и голос подвёл меня самую малость.

— Твою старую жизнь. Славяне верили, что так умерший благополучно перейдёт в иной мир. Выпьем за то, чтобы переход был не только безболезненным, но и сама новая жизнь оказалась достойной.

Пить захотелось ещё сильнее. Я окончательно поняла: он переиграет меня с любой стороны, с какой я ни подойду. От этого понимания становилось зябко.

Я подошла к панорамному окну и посмотрела на ночной город — он лежал внизу весь, как будто специально выложенный для меня. «Ну что ж, Дина. За новую тебя», — сказала я себе и сделала глоток.

Руслан подошёл сзади и аккуратно забрал бокал из моих рук. В следующую секунду он повторил жест из ресторана: убрал волосы с одного плеча и поцеловал шею — мягко, почти невесомо. Потом чуть отстранился и подул на это место. Мурашки вернулись мгновенно, но теперь к ним добавилась дрожь, поднявшаяся откуда-то из самого низа живота. Не давая мне времени опомниться, он вернулся губами к тому же месту, но теперь целовал размашисто, жадно, без малейшего притворства.

Я дрожала всё сильнее. В какой-то момент сдержать тихий стон не получилось. Я уже почти развернулась к нему — хотела, чтобы он повторил всё это с моим ртом — но он хрипло произнёс:

— Не поворачивайся. Стой так. — Зафиксировал мои руки и прошептал прямо в ухо. — Я хочу сделать то, о чём думал с первой минуты сегодняшнего вечера.

Он отступил на шаг, и я сразу почувствовала себя неуверенно, пока не поняла, что он делает. Руслан аккуратно растегнул молнию на юбке платья, и оно тихо упало к моим ногам. Я осталась стоять в одних стрингах и чулках, так как бюстгальтера платье не предполагало. Инстинктивно руки потянулись прикрыть грудь, но Руслан резко остановил:

— Не шевелись.

Руки упали вдоль тела. Тогда он снова приблизился так, чтобы его твёрдый член оказался между моих ягодиц. Я издала рваный вдох. Его руки легли на моё тело — туда, где заканчивалась резинка чулок — и медленно, с намеренной обстоятельностью поднялись вверх, тщательно прочерчивая каждый изгиб. Когда он добрался до груди, обхватил ладонями возбуждённые соски и грубо сжал.

Я застонала. Мои бёдра сами начали сильнее прижиматься к нему, тело прогнулось в пояснице. Реальность и желание перемешались настолько, что я перестала отличать одно от другого. Мне было жизненно необходимо, чтобы меня коснулись между ног — прямо сейчас, немедленно. Но Руслан продолжал выкручивать соски на грани боли и наслаждения, снова целуя шею. Моя рука потянулась вниз сама.

— Дина, — его голос стал тише, но жёстче. — Я же сказал: не шевелись.

Он сразу прекратил все движения. Я разочарованно заскулила.

— Хочешь, я возьму тебя пальцами? Оттрахаю твою дырочку так, что ты будешь скулить от наслаждения?

Я смогла только кивнуть.

— Словами, Дина.

— Да, — выдохнула я в состоянии, которому в моём словаре не нашлось бы точного определения. — Хочу.

Одна рука нырнула под резинку стрингов и сразу во-

шла двумя пальцами — глубоко, уверенно. Вторая рука ещё сильнее сжала сосок. Я выгнулась до предела. Тело стало одновременно ватным и натянутым, как струна, и требовало разрядки с той же настойчивостью, с которой лёгкие требуют воздуха. Руслан двигал пальцами ритмично и глубоко, большой палец работал с клитором. Методично, без спешки, как человек, хорошо знающий, чего именно хочет добиться. Другая рука то сжимала сосок, то разжимала. Я была на грани, пока он не произнёс тихо и окончательно:

— Кончай.

Меня накрыло с такой силой, что я едва не потеряла равновесие. Мышцы влагалища сжимались снова и снова, я отчётливо чувствовала его пальцы внутри, и это только усиливало волну.

— Моя девочка, — шептал он всё это время.

Несколько секунд тело сотрясал оргазм — долгий и безжалостный. Когда он начал отпускать, Руслан развернул меня к себе, поднял два пальца и демонстративно взял их в рот: медленно, с нескрываемым удовольствием. Потом притянул меня за голову и поцеловал — сразу глубоко, жёстко, без предисловий, имитируя языком всё то, что должно было последовать.

— На колени, — надавил мне на плечи, едва оторвавшись от губ. Пока я опускалась, он торопливо расстёгивал брюки. — Возьми глубоко, как сможешь. На первый раз не геройствуй. Мне один хй зайдёт.

Стоя на коленях, я смотрела на него. Не какой-то за-предельный размер, но крупный, твёрдый, и в эту секунду безумно притягательный. Я взяла его рукой, второй обхватила снизу. Обхватила губами головку, облизала и посмотрела на него снизу вверх. Его взгляд был затуманен. Мой, скорее всего, тоже.

Я начала постепенно брать глубже, проводя рукой по стволу в такт движениям рта — медленно сначала, потом быстрее. Язык, ритм, давление — с каждой секундой я сама всё сильнее заводилась от происходящего. Когда я почувствовала, как он начинает напрягаться сильнее, а в горле у него рождаются тихие глухие стоны, я скользнула рукой вниз — туда, где недавно работали его пальцы — и начала тереть разбухший клитор. Быстро, жёстко. Я подвела себя ко второму оргазму с той же методичностью, с какой он только что подводил меня к первому. Когда он кончил — я кончала одновременно с ним. Проглотила всё — без малейшего отвращения, что само по себе было неожиданностью — и попыталась прийти в себя, глубоко и неровно дыша.

Руслан резко поднял меня за подмышки, поставил на ноги. Нежно обхватил лицо ладонями и поцеловал — на этот раз без спешки.

— Есть ещё сомнения насчёт совместимости? — наигранно-невинно спросил он. — По-моему, ты только что сама на них ответила. Запомни: я люблю грязный, честный секс, который приносит удовольствие обоим. Пойдём в спальню. Хо-

чу посмотреть на тебя без всего. — И легко шлёпнул ладонью по ягодице.

Следующее утро началось неожиданно. Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь, но ощущения тела мгновенно вернули мне память. Мы провели всю ночь в постели, и я потеряла счёт оргазмам. Как будто тело, почуяв опасность, включило какой-то первобытный инстинкт и решило взять от жизни всё прямо сейчас. Потому что я прекрасно понимала, в чём логове оказалась и на какие правила вчера дала согласие.

В комнате я была одна. Быстро встала, накинула оставленный халат и направилась в ванную, чтобы привести себя хоть в какое-то человеческое состояние. Потом нашла Руслана на кухне. Он уже был в костюме, с кофе в руке, и говорил по телефону. Увидев меня, закончил разговор и коротко осмотрел с головы до ног.

— Я уже ухожу — через двадцать минут нужно быть в офисе. — Никакой прелюдии. — За тобой заедут примерно через час. Можешь отдохнуть пока. Отвезут к тебе на квартиру — соберёшь необходимое — и привезут ко мне в дом. Бери только то, что важно. Не думаю, что там есть что-то особо ценное.

— Так сразу? — Растерянность я скрыть не успела.

— А чего тянуть? Не думаю, что тебе так уж хочется возвращаться в ту халупу, откуда тебя вчера забирал мой водитель.

— А перевезут сюда? — Я окинула печальным взглядом царство тёмно-серого.

— Нет. Я здесь не живу, только иногда остаюсь. Мой дом за городом. Тебе должно понравиться. — То ли утверждение, то ли приказ — интонация не оставляла пространства для сомнений.

Он подошёл, поцеловал меня — быстро, как ставят точку в конце фразы — и направился к выходу.

— До вечера.

Глава 4.

Сборы прошли быстро. Кроме небольшого чемодана, мне нечего было забирать в новую жизнь. Я окинула критичным взглядом съёмную квартиру — ту самую халупу, как назвал её Руслан. Таковой она и была. Таковой была жизнь всех среднестатистических людей. Я перекрыла воду и вышла.

Когда я выкатила чемодан на крыльцо, водитель немедленно материализовался рядом, перехватил вещи и ловко закинул их в багажник. Открыл дверь, подождал, пока я устроюсь на заднем сиденье, и занял своё место. На этот раз он оказался заметно общительнее вчерашнего: поинтересовался температурой в салоне, музыкой, наличием каких-либо пожеланий по маршруту. Это означало только одно: мой статус обозначен и доведён до сведения персонала.

Примерно через час мы въезжали во двор загородного дома. С одной стороны, мне было любопытно, что ждёт меня здесь. С другой — почти всё равно. Ведь мне «должно понравиться» — я запомнила эту формулировку. Тем не менее я смотрела на дом оценивающим взглядом, потому что иначе не умею.

Внешне он вполне соответствовал человеку, который выбирает только лучшее. К двухэтажному зданию вела бетонная подъездная дорожка, заканчивавшаяся небольшим паркингом для гостей. Для хозяев предназначался гараж, встро-

енный в тело дома. Сам дом был, слава богу, светлых оттенков. Снаружи, во всяком случае. Никаких вензелей, статуй или декоративных излишеств — зато много камня и стекла. Судя по всему, хозяин испытывал к панорамным окнам устойчивую привязанность. Придомовая территория — аккуратный газон, плавно переходящий в сад. Чуть в стороне — небольшая постройка в том же стиле: предположительно, дом для прислуги.

Водитель открыл мне дверь, помог с чемоданом и проводил внутрь, где меня, как выяснилось, уже ждали. Разумеется, не сам Руслан, а достаточно миловидная женщина лет пятидесяти, представившаяся Валентиной, главной помощницей по дому. Она дружелюбно мне улыбнулась, но улыбка была дежурной: из тех, что надевают на работе вместе с фартуком. Она прекрасно понимала мою роль в этом доме, а я свою роль не отрицала, поэтому отвечать на улыбку не стала. Пусть привыкает к тому, как оно будет.

Валентина проводила меня в спальню. Я была уверена, что у меня окажется отдельная комната, и потому несколько удивилась, сообразив, что меня ведут в спальню Руслана. Вот так сразу и в самый эпицентр его жизни. О таком я не мечтала даже в оптимистичных версиях своего плана. Если честно — отдельная спальня понравилась бы мне сейчас больше.

По дороге я успела мельком осмотреть дом изнутри. Он выглядел под стать внешней стилистике: современная уютная роскошь без показной помпезности. Сама спальня бы-

ла больше похожа на вчерашний пентхаус: те же серые тона, что и в городской квартире, но здесь они не давили, а скорее обволакивали. Следом за нами водитель закатил чемодан и передал его Валентине. Та посмотрела на меня:

— Я позову горничную, чтобы разобрала ваши вещи.

— Не стоит. Я хотела бы сделать это сама. Только покажите гардеробную.

— Как скажете. — Она поджала губы и открыла неприемную дверь, которую я поначалу приняла за часть стены.

За дверью обнаружилось то, что можно было назвать царством вещей. Просторная гардеробная, ровно половину которой в данный момент занимали исключительно мужские вещи — идеально выстроенные по цвету и сезону. Когда Валентина ушла, предварительно показав мне, как управлять с пультом «умного дома», я позволила себе осмотреться как следует. Не спеша прошла вдоль костюмов, пиджаков, рубашек. Не удержалась — снова присвистнула. На стоимость одних только костюмов можно было, наверное, содержать пару областей в нашей необъятной. Про коллекцию часов и запонок я вообще молчу.

Потом вернулась в комнату и с размахом рухнула на кровать, раскинув руки в стороны. Улыбнуться не получалось — здесь я пока чувствовала себя чужой, а вымученно скалить зубы в пустоту не умею.

Всего месяц назад в этом доме могла быть Марианна Заварская. А теперь её место пыталась занять я. Их с Русланом

основной дом до сих пор оставался опечатан — следствие ещё не закрыли — но она наверняка бывала здесь, в этих комнатах. В духов я не верила. Но ощущение чужого присутствия — чего-то незримого, занявшего место раньше меня, — никуда не девалось. Тем не менее теперь здесь живу я.

Я не спеша разложила свой скромный гардероб по полкам и развесила на плечики. Отнесла косметику и средства по уходу в ванную. Та оказалась практически размером со спальню в моей прежней жизни. Всё лучшее — для лучших. Что ж.

Я решила себе не отказывать в маленьком удовольствии и приняла ванну с пеной — просто чтобы немного выдохнуть. Потом надела лёгкое шифоновое платье, которое при желании можно было счесть домашним. Не в своей же растянутой футболке тут появляться. К тому же та футболка осталась в старой жизни: на съёмной квартире, вместе со всем остальными вещами, которым не место тут.

Пока я занималась своими делами, незаметно стемнело. Во сколько вернётся Руслан, я не знала. Звонить и спрашивать не хотела. Поэтому просто решила пройтись по дому тем же маршрутом, которым меня сюда вели.

Я спустилась по лестнице, машинально отмечая детали. На пути попало уже три камеры, охватывавших каждый угол. В гостиной — одна. Не знаю, зачем мне эта статистика в данный момент, но вопрос сам собой возник: кто за кем тут наблюдает — хозяин за прислугой или наоборот.

Гостиная оказалась шикарнейшей и при этом на удивление уютной. Огромный диван мятного цвета и такие же кресла расставлены так, чтобы людям было удобно сидеть и разговаривать. Под ногами — мягкий ковёр с замысловатым узором. У стены — настоящий камин, на котором выстроились статуэтки и фоторамки. Мне стало любопытно, и я подошла ближе.

Фотографий было всего две. На одной — хозяин дома на каком-то официальном мероприятии. На второй — он же, рядом с Марианной. Я видела много их совместных снимков в соцсетях, но живая фотография, стоящая на камине — не в телефоне, не на экране, а здесь, в этой комнате, — была совсем другой. Интимнее. Реальнее. Я взяла рамку в руки и стала разглядывать — неотрывно, будто пытаюсь прочесть что-то, скрытое между лицами этих двух людей. Что на самом деле произошло в ту ночь с этой молодой девушкой — вопрос, от которого невозможно просто отмахнуться.

— Нашла, что рассматривать, — раздался голос Руслана за спиной — неожиданно и близко.

Я вздрогнула. Он забрал рамку из моих рук и положил её на камин фотографией вниз.

— Попрошу прислугу выкинуть. Дизайнер поставила здесь какую-то хуню, чтобы дом казался обжитым.

— Но она была твоей женой, — сказала я и услышала в собственном голосе чуть больше эмоций, чем планировала.

— И что теперь? Молиться на неё? И так все нервы вы-

бали с этим судебным процессом. Проехали. Как обустроилась? — Смена темы — мгновенная, без усилий.

— Хорошо. Только мне отведено слишком много полок в гардеробной.

— Или у кого-то маловато платяшек? — усмехнулся он.

— Возможно

— На днях пришло к тебе стилиста. Съездите по магазинам, выберете всё необходимое. Судя по тому, что на тебе сейчас, нужно будет много.

Я непонимающе посмотрела на своё платье, пытаюсь сообразить, что именно в нём не так. Потом сделала шаг к Руслану — он, как обычно, наблюдал за каждым моим движением с тем же внимательным, изучающим взглядом.

— Если оно тебе так не нравится — я разрешаю его разорвать. Я под ним совершенно голая. — Произнесла я, не отводя взгляда.

В следующую секунду он закинул меня на плечо и звонко шлёпнул по ягодице. Меня понесли быстрым шагом наверх — в спальню. Когда мы оказались внутри, он бросил меня на кровать и начал медленно разматывать галстук. Под этим тяжёлым взглядом я моментально почувствовала знакомое тепло внизу живота — в голове вспыхнули картинки вчерашней ночи. В тот момент, когда он принялся расстёгивать рубашку, я согнула ноги в коленях и медленно развела их, наглядно демонстрируя, что под платьем действительно ничего нет.

— Ждала меня? — хрипло спросил он, не отрывая взгляда.

— Ждала. — Я провела рукой по уже влажной промежности и тихо застонала.

— Баловалась без меня? — Он уже перешёл к брюкам. Одиночеству на этой кровати оставалось недолго.

— Нееет, — протяжно, с придыханием ответила я, не переставая себя касаться.

— Хорошо. — Голос стал тише и жёстче одновременно. — Только я играюсь с тобой.

В следующий момент он резко подался вперёд, навис надо мной на коленях, провёл ладонями по бёдрам снизу вверх, задирая платье, и продолжал следить за моей рукой с тем же голодным, неотрывным взглядом. Я была готова кончить прямо сейчас. Но меня прервал треск ткани — резкий, окончательный. Руслан разорвал платье: сначала подол, потом верх. Убрал мою руку и приблизил лицо к моему вплотную.

— Только я.

После этого он склонился между моими разведёнными ногами и провёл горячим языком по всей длине — медленно, страстно. Прижал большой палец к клитору и продолжил — ритмично, без спешки, методично. Мне не понадобилось много времени: я была заведена до предела ещё до того, как он коснулся меня. Меньше чем через минуту я рассыпалась, и в этот момент он ввёл пальцы — глубоко, без предупреждения — чтобы растянуть и усилить каждую волну оргазма

до предела.

Потом вернулся к моему лицу. Облизнул губы демонстративно, глядя мне в глаза. Перевернулся на спину и потянул меня на себя.

— Оседлай меня.

Я попыталась стянуть остатки платья, но он остановил.

— Оставь. Это рваное убожество меня неожиданно заводит. Хочу, чтобы ты попрыгала на мне.

Я и сама хотела именно этого. Взяла член в руку, направила и медленно опустилась — замерла на секунду, привыкая к ощущению заполненности — и начала двигаться так, как доставляло удовольствие мне. Руслан обхватил ладонями мои ягодицы и поначалу просто наслаждался, следуя моему ритму. Потом приподнял сзади подол и звонко шлёпнул ладонью. Почувствовав, как от этого у меня всё рефлекторно сжимается, повторил — ещё и ещё. Боль и наслаждение одновременно — самая опасная зависимость, которую только можно выработать в человеке. После этого он скрутил ткань платья таким образом, что я оказалась зафиксирована — не верёвкой, не наручниками, а просто шифоном, превратившимся в импровизированные поводья.

Я с некоторым испугом посмотрела на него и встретила хищную улыбку. Он начал управлять моими движениями — направлять, задавать темп, не давая мне отклоняться от нужного угла. От наслаждения я попыталась откинуться назад, но он одним движением вернул меня в исходное положение

— и это только усилило всё. Я была в его полной власти, и он это знал. И ему было мало.

Он резко повалил меня на спину, перевернул на живот.
— Коленно-локтевую, — прохрипел.

Я не смела послушаться. Поднялась, как он сказал. В следующий момент он перекинул подол платья между ног — этим самым разведя их максимально широко — и вошёл резко, глубоко, без предисловий. Ткань давила на половые губы, его движения были яростными, и при каждом толчке он тянул меня за платье на себя. Я не могла сдержать ни крика, ни сто-на, ни скулежа — и не пыталась. Беспомощность была невыносимой и при этом невероятной. Я не помню, как именно кончала в последний раз. Просто в какой-то момент перестала понимать, где заканчивается тело и начинается что-то другое — и отключилась.

Распахнув глаза, я обнаружила себя на той же кровати, в тех же обрывках шифона. Часы показывали около десяти вечера. Руслан в этот момент вышел из душа, обмотанный полотенцем.

— Очнулась?

— Да. Сейчас в душ. — Шевелиться я пока не была готова.

— Я решил, что в следующий раз попробуем связывание, раз тебе так заходит, — донеслось из гардеробной.

— Как скажешь, — другого ответа я не нашла. Сил не было совершенно.

— Ты без сил, но мне нравится, как ты отдаёшься. Спи, завтра в душ сходишь.

— Да я быстро. — Я всё же встала и сняла с себя то, что осталось от платья.

— Завтра уеду рано, вернусь поздно. Возможно, останусь в городе, если будет совсем лень добираться. Послезавтра — стилист, в десять утра. Водитель отвезёт. А завтра просто обживайся. На заднем дворе бассейн. — Он уже укладывался в кровать.

— Хорошо. Спасибо. Спокойной ночи. — Я зашла в ванную и закрыла за собой дверь.

После душа я немного пришла в себя. Накинула халат, спустилась на кухню — налить воды, а может, и найти что-нибудь поесть: этот момент сегодня как-то прошёл мимо меня на фоне всего остального.

Пока пила воду, вспомнила про фотографию. Мне неожиданно захотелось взглянуть на неё ещё раз. Я направилась в гостиную. По всему дому горела мягкая ночная подсветка, её вполне хватало, чтобы не искать выключатель.

Я подошла к камину и подняла перевернутую рамку. Молодая девушка смотрела прямо в камеру и улыбалась — легко, без усилий, как улыбаются люди, которым не нужно ничего изображать. Сложно было поверить, что её больше нет. Я почему-то захотела понять, какой она была, эта девушка на фото. Не на экране, не в соцсетях — а по-настоящему. Я провела пальцем по её лицу.

И вздрогнула от голоса в темноте.

— Что ты делаешь, Дина?

Я резко обернулась. В кресле у окна сидел Богдан, вальяжно раскинувшись, как человек, который давно здесь и никуда не торопится. Смотрел без интереса. С подозрением.

— Разве прислуге можно сидеть в гостиной? — резко сказала я.

— Ещё бы выяснить, кто из нас тут прислуга, — спокойно и без малейшего смущения ответил он. — И если у тебя возникнет этот вопрос — да, может.

— Не много ли ты себе позволяешь, Богдан?

— Ни капли. Это моя работа, таинственная Дина.

Я поставила рамку обратно на камин и опустилась в кресло напротив.

— Что ты имеешь в виду? — безразлично уточнила я.

— То, что Решетова Дина, двадцати восьми лет, сирота и уже вдова, продавщица цветов из города Н. — Информация есть. Но с тобой она как-то не сходится.

— С чего это?

— Как звали твоего мужа? — перешёл к делу Богдан.

— Максим.

— Девичья фамилия?

— Соколова. — Мне это начинало надоедать. Кто он такой, чтобы устраивать мне допрос в чужом кресле практически ночью. — Богдан, хватит. Что ещё назвать? Дату рождения? Номер детского дома? Когда первый раз начались ме-

сячные? Ты будешь сверяться по блокноту или на память помнишь? Хочу заметить, что точную дату этого события не помню даже я.

— А то, — он говорил ровно, без интонационных всплесков, что было по-своему неприятнее любой агрессии, — что твоё нахождение в этом доме мне не нравится. Появилась из ниоткуда — а уже здесь живёшь и права качаешь. По слогам повторяю: Мне. Это. Не. Нравится.

— Во-первых, тебе это нравится и не должно. Во-вторых, ты бы сам отказался? — Я пожала плечами. — Ты всё правильно прочитал в моей биографии. Поверь, единственное, что не нравится мне — это перспектива вернуться в неё. В ту жизнь, из которой я только что выбралась. Мне повезло, что быстро.

— Это не отменяет того, что я продолжу копать.

— Как угодно. — Я встала и вышла из комнаты.

Глава 5.

На следующее утро я проснулась в кровати одна. Руслан, как и обещал, уехал рано. Сквозь сон я слышала, как он ходит по комнате, но не стала окончательно открывать глаза, чтобы пожелать ему удачного рабочего дня. Почему-то в наших отношениях это казалось лишним — слишком бытовым, слишком человеческим для того, кем мы с ним являлись друг другу.

Я спустилась вниз разобраться наконец с географией кухни. Свернула в противоположную от гостиной сторону и обнаружила просторный зал столовой, который вчера в темноте проигнорировала. Из столовой вела стеклянная дверь на задний двор — террасу с видом на бассейн, поблёскивавший в утреннем свете.

На мои шаги из кухни вышла Валентина.

— Доброе утро, Дина. Что вы желаете на завтрак?

— Чёрный кофе и омлет.

— Добавить что-нибудь? Бекон, ветчину, помидоры?

— На ваш выбор, — безразлично ответила я. — Буду на террасе.

На улице было часов восемь, тепло, но с той приятной утренней свежестью, которая исчезает уже к десяти. Я опустилась в кресло, вдохнула полной грудью и на секунду закрыла глаза. Вот это — да. Вот ради этого стоит быть игруш-

кой в чужих руках. Не правда ли?

Завтрак принесла не Валентина, а молодая горничная — лет двадцати, симпатичная, с тем особым выражением лица, которое бывает у людей, когда они очень стараются не смотреть, но очень хотят. Пока она накрывала на стол, украдкой поглядывала на меня из-под опущенных ресниц. Её любопытство я понимала. Только в отличие от неё, я позволила себе рассматривать её открыто, без стеснения. Мне было интересно другое: спал ли с ней Руслан. Вряд ли — не его эстетика. Хотя полностью исключать было бы наивно.

Вместе с омлетом она принесла тосты и нарезки сыров и ветчины — щедро, с запасом. Я была безмерно благодарна тому, кто это придумал. Самой мне и в голову бы не пришло заказать столько на одного. Пора избавляться от привычек, воспитанных бедностью. Они занимают место в голове, которое теперь нужно для другого.

Я смела всё с неожиданным аппетитом. Откинулась в кресле, взяла кофе и позволила себе просто сидеть. Просто дышать. Просто быть.

Покой прервали голоса — резкие, на повышенных тонах. Я напряглась, пытаясь определить направление. Никого видно не было, и я уже почти встала, чтобы подойти ближе, как мужчины сами вышли в поле зрения.

Богдан и охранник в форме — тот был чуть помоложе, явно из местных.

— Что за хуню ты творишь? — Богдан не кричал в полный

голос, но каждое слово было отчётливым и холодным, как удар. — Я тебе приказ давал? Нет, блдь, не давал. Значит, сидишь и молча ждёшь. Ещё раз решишь поиграть в самостоятельность — я не буду ночью срываться, чтобы исправлять твои косяки. Понятно?

— Так точно, — едва слышно ответил охранник.

Богдан развернулся — резко, как человек, у которого развито периферийное зрение не только в прямом смысле. Посмотрел прямо на меня. Я продолжала пить кофе, не отводя взгляда. Пусть знает: я тоже смотрю. Он не подал виду — ни удивления, ни раздражения. Просто развернулся и ушёл вместе с охранником.

Я допила кофе и тоже поднялась.

День был полностью свободен. Руслан распорядился обживать. Чего бы это ни означало. Я вернулась в гостиную — ноги сами несли туда, уже второй раз за утро. Камин встретил меня пустотой: фотографии исчезли все, даже та, где Руслан был один. Жаль, хотя если бы меня поймали здесь за рассматриванием рамки в третий раз, это уже выглядело бы как диагноз.

Я пошла дальше — исследовать дом методично, комнату за комнатой. Просторный, но не огромный: помимо спальни, три гостевые комнаты, все оформленные одинаково безлико. По всем коридорам тянулись камеры — больше, чем нужно для охраны картин, пусть даже очень дорогих. Угол обзора у некоторых из них был странным. Я отметила это и пошла

дальше.

Следующая дверь оказалась кабинетом. Это было очевидно с первого взгляда: массивный рабочий стол с компьютером, два стула напротив — для посетителей. Небольшая библиотека вдоль стены, книги расставлены слишком идеально, чтобы их когда-либо читали: дизайнерский реквизит, не больше. Я подошла ближе, скользя взглядом по корешкам — и одновременно сканируя пространство на предмет чего-нибудь интересного.

На столе царил образцовый порядок — из тех, что бывает, когда человек либо ничем здесь не занимается, либо тщательно убирает следы того, чем занимается. Никаких бумаг, никаких открытых папок. Только закрытый ноутбук и массивная пепельница из тёмного стекла — единственная вещь, которая выглядела по-настоящему используемой. Я провела пальцем по краю стола — машинально, без цели.

— Что ты тут делаешь?

Богдан. Разумеется.

Я не обернулась.

— Книгу выбираю. — Я потянулась к одному из корешков и вытащила томик — что-то по экономике, даже название скучное. — У тебя в арсенале вообще есть другие вопросы, кроме «что ты делаешь»?

— Вопросы разные есть. — Он вошёл полностью и закрыл дверь за собой. — Задаю те, что считаю нужным.

Щелчок замка прозвучал негромко, но я его услышала.

Замкнутое пространство. Лёгкий дискомфорт прокатился вдоль позвоночника — не страх, просто сигнал. Я поставила книгу обратно и наконец повернулась к нему.

Богдан стоял у двери, не двигаясь. Скрещённые на груди руки, взгляд ровный — без агрессии и без интереса. Именно это и было неприятно. Руслан своё превосходство демонстрировал намеренно, как дорогой аксессуар, который хочется, чтобы заметили. Богдан просто существовал в этом качестве. Никакого спектакля. Просто факт.

— Богдан, уймись. — Я сложила руки на груди, зеркально. — Что ты пристал к простой провинциальной девушке? Дай пожить по-человечески — жалко, что ли?

Он молчал. Этот его молчаливый разбор меня начинал раздражать по-настоящему.

— Или ты просто тоже меня хочешь? — продолжила я, позволив себе медленную улыбку. — Обидно, что досталась хозяйину? Если так — в следующий раз сделаю минет Руслану в гостиной. Специально для камер. Персонально для тебя.

Богдан не шелохнулся. Ни одной мышцей на лице. Он смотрел на меня так, как смотрят на фокус, механику которого уже разгадали — без восхищения, с лёгким профессиональным интересом.

— Не такая уж и простая провинциальная девушка, — произнёс он наконец — тихо, почти себе под нос. Сощурился. — Ты провоцируешь, когда нервничаешь. Это интересно.

Вот этого я не ожидала. Пауза получилась секунды на две

— достаточно, чтобы он её заметил.

— Руслан не любит, когда в кабинете находятся посторонние, — добавил он всё тем же ровным тоном, будто первой фразы и не было.

— Ну так выйди, — холодно отрезала я.

— Для этого кабинета я не посторонний. — Он открыл дверь и обозначил направление лёгким движением руки — вежливо, почти галантно, что было как-то особенно неприятно. — На выход, Дина.

Я не торопилась. Взяла с полки ту же книгу по экономике, с которой начала, и направилась к двери — медленно, как человек, у которого свои планы на этот вечер. Проходя мимо него, я остановилась на секунду — достаточно близко, чтобы это было намеренно.

— Ты сказал, что продолжишь копать, — произнесла я тихо, глядя прямо в глаза. — Копай. Только имей в виду: иногда люди ищут компромат, а находят кое-что похуже.

Богдан посмотрел на меня. И впервые за всё наше знакомство я не смогла прочитать его взгляд совсем. Ни единого слова.

— Удачного чтения, — сказал он.

Я вышла.

День внезапно опустел. Дом был осмотрен, делать было нечего. Я устроилась на подоконнике широкого коридорного окна второго этажа — оно выходило прямо на домик охраны. Зрелище так себе, но всяко лучше, чем потолок спаль-

ни. Охранников сегодня было трое, не считая Богдана. Они периодически выходили, обходили периметр, возвращались. Зачем столько людей в загородном доме — вопрос, который я пока откладывала на потом.

В какой-то момент из хозяйского дома вышла Валентина и направилась к домику охраны. Следом вся компания дружной толпой потянулась обратно — явно на обед. Я немного спустилась по лестнице, провожая их взглядом, и на секунду почувствовала что-то неприятное: иррациональный страх, что сейчас они войдут и скажут мне убираться. Глупость, конечно. Это и мой дом теперь. Надо привыкать к этой мысли, но она пока приживается с трудом.

Когда стало ясно, что все осели на кухне, моё любопытство победило здравый смысл. Впрочем, это у нас давняя история — любопытство всегда берёт верх. Когда-нибудь это меня погубит. Но сегодня я просто слезла с подоконника и быстро вышла на улицу.

Домик охраны был небольшим. Я влетела внутрь и быстро осмотрелась: комната отдыха на несколько человек, туалет, душевая и — главное — основное помещение со столом, уставленным мониторами. На экранах — изображения со всех камер дома и периметра. Я смотрела на эту сетку из квадратиков несколько секунд. Ничего примечательного. Зато теперь я знала, что они видят.

Я вышла и закрыла дверь. К тому моменту, когда я оказалась на приличном расстоянии, охранники уже выходили

из дома. Они посмотрели на меня с некоторым изумлением. Возможно, их смутило то, что я провела весь день в банном халате — никакой домашней одежды у меня пока не было, единственное подходящее платье вчера превратилось в лоскуты, а сидеть в одиночестве в неудобном костюме было абсурдом. Поэтому — халат. Всё честно.

Я вспомнила про бассейн и направилась туда уверенным шагом. Адреналин от игры в шпиона требовал сброса. Зачем я вообще туда полезла? Отчасти, наверное, чтобы утереть нос Богдану — раз уж он поймал меня в кабинете, пусть знает, что я тоже умею смотреть туда, куда мне интересно. Глупо, конечно. Но — сделано.

Подойдя к бассейну, я скинула халат на шезлонг и только тогда до меня дошло: под ним из одежды были исключительно тонкие трусики. Купальника у меня, разумеется, ещё не было. Отступить было некуда — особенно с учётом того, что позади где-то маячила вся смена охраны. Я нырнула в воду и позволила прохладе забрать всё лишнее.

Ночью меня разбудил Руслан.

Он вернулся поздно. Я к тому времени уже спала. Как обычно, голая: иначе я не засыпаю. Сквозь сон я не сразу поняла, что происходит. Я лежала на боку, когда кто-то приподнял мою ногу, провёл по промежности — смачивая, торопливо, без лишних предисловий — и резко вошёл в меня.

Я распахнула глаза с тихим криком, в котором смешались испуг, боль от неготовности и что-то ещё. Что-то острое и

тёмное, чему я пока не придумала названия.

— Ждала меня? — спросил Руслан.

Я узнала голос и попыталась расслабиться. Не получалось. От него исходило что-то агрессивное — не злость, а нечто более первобытное и оттого более опасное. Одной рукой он зафиксировал меня, другой удерживал ногу в нужном ему положении.

— Покажи мне, как ждала.

Он двигался жёстко, без пощады, и в какой-то момент рука, державшая меня, переместилась к горлу. Пальцы сомкнулись, слегка сдавив. Волна паники подкатила мгновенно. Я схватилась за его руку, пытаясь ослабить хватку.

Он сжал крепче — и кончил.

— Ещё раз устроишь раздевание перед кем-либо, кроме меня — накажу, — сказал он, когда дыхание выровнялось. — Сегодня тебя спасло только то, что у меня аж привстал, когда я представил: вся смена охраны будет на тебя драть, а я — трахать в реале.

Он отвернулся и почти сразу заснул.

Я лежала неподвижно и смотрела в окно — прямо напротив висела одинокая луна, равнодушная и спокойная, как всё в этом доме. Мне хотелось выть. Не от боли — от понимания. Я сама сюда пришла. Сама открыла дверь, переступила порог и закрыла её за собой изнутри.

Западня — это не та клетка, в которую тебя запирают силой. Это та, которую ты выбираешь добровольно, потому что

она красивая.

Глава 6.

Завтракали мы с Русланом вдвоём на террасе — моё новое любимое место, если у меня вообще теперь могут быть любимые места в чужом доме.

— Сегодня на шопинге долго не задерживайся. Вечером важная встреча, ты будешь со мной. — Он произнёс это тоном, которым обычно сообщают прогноз погоды. Факт, не обсуждается.

— Что за встреча? — Я спросила скорее ради поддержания разговора, чем из реального интереса.

Несмотря на то что этим утром у нас был неожиданно нежный секс в душе — медленный, почти бережный, как будто ночного Руслана с его рукой на моём горле и не существовало, — фантомное давление никуда не делось. Я то и дело ловила себя на том, что сглатываю. Проверяю. Дышу ли.

— Для тебя это неважно. Будешь просто сопровождать меня за ужином.

— Хорошо. — Я отложила вилку. — Тогда подскажи хотя бы, насколько официально. Чтобы я понимала, что надеть сегодня.

— Я сам выберу тебе наряд на вечер. Сегодня буду работать из дома. Давай, беги — не опаздывай.

Я поднялась из-за стола и наклонилась к нему — планировала лёгкий поцелуй в губы, дежурный, на прощание. Он

перехватил меня, прижал к себе и углубил поцелуй так, что я почти потеряла равновесие. Рука сжала ягодицу — жёстко, по-хозяйски. Потом он так же внезапно отстранился.

— Беги-беги, пока я не раздвинул тебе ноги прямо на этом столе. Карту не забудь.

Я ожидала торговый центр. Вместо этого машина петляла по старым узким улочкам и остановилась у ничем не примечательного фасада — скромная вывеска, табличка «Закр-то» на двери. Я вышла и огляделась, не вполне понимая, куда именно мне надо.

— Дина, привет! Я Вероника. — Девушка появилась с той стороны, откуда её никто не ждал, — с лучезарной улыбкой и в образе, который сам по себе был рекомендательным письмом. Я окинула её взглядом с ног до головы и вынесла молчаливый вердикт: этому человеку в вопросах одежды доверять можно.

— Здравствуйте, Вероника.

— Только на «ты», договорились? — Она уже открывала дверь, жестом приглашая внутрь.

— А где мы вообще?

— В царстве люкса, стиля и красоты, — произнесла она с интонацией экскурсовода, искренне влюблённого в свой маршрут. — Сюда вход не для всех — только для своих. Последние коллекции мировых дизайнеров, всё закрыто от посторонних глаз. И лимита у нас сегодня нет, — подмигнула мне, — Руслан предупредил. Так что отрываемся.

С улицы никто никогда бы не догадался, что за этой скромной дверью скрывается подобное. Внутри всё было устроено так, чтобы человек сразу понял: здесь другой мир, и обратной дороги к прежнему нет. Я двигалась между рядами медленно, почти осторожно — инстинктивно не решаясь прикасаться. Посмотрела на ценник сумки, которая зацепила взгляд, и решила, что инстинкт был верным.

— Нравится? — Вероника возникла рядом, как будто только и ждала этого момента.

— Сумка — да. Цена — нет.

Она засмеялась — по-настоящему, без светской вежливости — и без малейших колебаний взяла вещь в руки.

— Лимита нет, — почти пропела она. — Это последняя модель Hermès, между прочим. Подойдёт под половину того, что мы сегодня возьмём. — Она развернулась ко мне и вдруг стала серьёзной — так резко, что контраст был почти физическим. — Слушай, запомни одно. Пока дают — бери. Что надо — проси. И никогда не пытайся сэкономить на себе. Все женщины, которые одеваются здесь, получают свою цену за молчание о том, что порой происходит за закрытыми дверями.

Я ничего не ответила. Отвечать было нечего — она была права, и мы обе это знали. Я не единственная, кого купили. Это понимают все. И никакая игра в сумасшедшую любовь этого не отменяет.

Я опустилась на диван и обвела взглядом всё это велико-

лепие вокруг. Подошла девушка с шампанским — я взяла бокал, не раздумывая. Наблюдала, как Вероника движется между рядами с профессиональной уверенностью человека, точно знающего, чего хочет: что-то снимала с вешалок сама, что-то указывала помощнице, давала распоряжения негромко, но чётко. Работа шла без меня, а я могла просто сидеть и пить игристое. Пожалуй, к этому тоже можно привыкнуть.

Примерочная оказалась размером с мою съёмную квартиру: диван, подиум, зеркала в полную стену со всех сторон. Меня начали переодевать методично: надеть, оценить, снять, надеть следующее. Под каждый образ Вероника давала комментарий — точный, без лишних слов. Иногда меняла аксессуар, иногда убирала его совсем, иногда что-то возвращала назад, оставшись недовольной результатом.

— Вот смотри, — говорила она, пока я стояла перед зеркалом в очередном варианте. — Это платье — на выход. Коктейльная вечеринка, ресторан. С босоножками — одно. Меняем на туфли, накидываем этот пиджак с широкими плечами, подворачиваем рукава небрежно — и, вуаля, совершенно другой образ! — Она отступила на шаг, разглядывая своё отражение с тем профессиональным прищуром, который я за сегодня уже успела полюбить. — Знаешь, смотрю на тебя и думаю: ты можешь стать новой законодательницей мод в светских кругах. На грани женственности и брутальности — это твоё. В слишком мягких, слишком воздушных вещах ты становишься чужой себе.

— Мне нравится этот стиль, — согласилась я, поворачиваясь боком. — Хотя мне кажется, Руслан привык к чему-то другому. К более... нимфообразному. Судя по его бывшей жене.

Сказала и мысленно себя одёрнула. Опять. Надо прекращать эти мысленные сравнения, они начинают походить на навязчивость, причём исключительно мою собственную.

— О, дорогая. — Вероника чуть помолчала, подбирая слова. — Вы с Марианной — небо и земля. Но моё личное чутьё говорит, что ты ему подходишь куда больше, чем она когда-либо подходила.

— Правда? — В моём голосе прозвучало что-то, чего я не планировала — что-то похожее на надежду. Терпеть не могу, когда это со мной случается.

Вероника кивнула — без паузы, уверенно.

— Она была слишком проста для него и при этом слишком искусственна во всём. Иногда аж тошнило, если честно. — Она тут же сделала лёгкий жест рукой. — Но не будем об умерших плохо. Тем более у нас лимита по деньгам нет, а вот по времени — есть. Закругляемся, продолжим в следующий раз!

На кассе я старательно держала лицо. Это потребовало усилий. Когда я подносила карту к терминалу, где-то в глубине всё ещё жил рефлекс: сейчас откажет, сейчас скажут «недостаточно средств», сейчас всё это окажется сном. Платёж прошёл без единой секунды задержки.

Вот что чувствуют люди, которые могут просто оплатить с карты квартиру в центре города. Не облегчение. Не радость. Что-то головокружительное и немного пугающее — ощущение, что мир только что стал другого размера.

Водитель перехватил пакеты у нас обеих, едва мы вышли на улицу.

— Скоро увидимся, я уверена. — Вероника поцеловала меня в щёку. — Чуть не забыла, вот визитка. Вопросы по образам, сомнения, фото из примерочной хоть в три ночи — всё ко мне, всегда отвечу.

— Спасибо, Вероника. До встречи.

До дома долетели быстро. Всю дорогу я смотрела в окно, а перед глазами стояло моё собственное отражение в зеркале примерочной — незнакомое и при этом более настоящее, чем я привыкла видеть. Я никогда не считала себя гадким утёнком. Но такой — дорогой, идеально собранной, будто специально придуманной для другой жизни — я себя не знала.

Дома меня никто не встретил. Водитель занёс пакеты в спальню, я быстро разложила покупки. Руслан сказал, что сам выберет наряд на вечер, а значит, он мне сейчас был нужен. Я пошла на поиски.

Кабинет — логичное место, он говорил, что будет работать из дома. Я уже почти дошла, когда поняла, что дверь приоткрыта. И притормозила.

— Руслан, я не советую держать её так близко к себе. —

Богдан. Голос ровный, без нажима — именно поэтому слышно каждое слово.

— Я у тебя совета спрашивал? — В голосе Руслана — лёгкое раздражение, то самое, которое предшествует закрытию темы. — Мне она зашла. Я её хочу здесь, рядом. Значит, будет здесь. Не насильно же держу.

— Мутная она. Вопросов больше, чем ответов.

— Мутной была Марианна под наркотой.

Пауза. Короткая — но в ней что-то сдвинулось.

— Ты же сам её до этого и довёл, — спокойно сказал Богдан.

— У меня не было выбора. — В голосе Руслана — не злость, что-то другое. Усталость, может быть. Или то, что бывает после усталости. — Я не виноват, что она оказалась такой слабой.

— Сам понимаешь, почему она сломалась.

— Всё. — Резко, окончательно. — Морали мне не надо.

Я стояла неподвижно, впитывая каждое слово. Он что-то ещё говорил, но в коридоре мелькнула Валентина, я не стала проверять, заметила ли она меня. Быстрым шагом прошла оставшиеся метры, постучала по косяку открытой двери и заглянула внутрь.

— Привет. Не помешала?

Я посмотрела на обоих спокойно, как человек, который только что вошёл и ничего не слышал. Взгляд остановила на Руслане.

— Вернулась? — спросил он.

— Да. И, боюсь, не разорила тебя до конца. Там ещё осталось кое-что, что мне понравилось.

Руслан засмеялся — легко, без усилий.

Богдан смотрел на меня. Я это чувствовала боковым зрением — тяжело, внимательно, как человек, который складывает детали в картинку и уже почти видит контуры.

— Иди наверх, — сказал Руслан. — Я сейчас приду.

Я вышла из кабинета.

Глава 7.

Ресторан был не из многолюдных, из тех мест, где тишина входит в стоимость. Нас провели в закрытую VIP-зону, где уже находились двое: мужчина в годах с характерным животом человека, который давно перестал в чём-либо себе отказывать, и девушка рядом с ним — настолько молодая, что я, прикинув навскидку, дала бы ей восемнадцать с натяжкой. Ультракороткое платье в пайетках, макияж из серии «больше — значит лучше».

Мне стало неловко морально и физически — то особое чувство, когда понимаешь, что тебя только что поставили на одну полку с вещью, к которой ты не имеешь никакого отношения.

Руслан для этого вечера выбрал мне чёрный брючный костюм: широкие прямые брюки, пиджак оверсайз, лодочки на шпильке. Единственное, что делало образ по-настоящему раскованным — под пиджак я надела кружевной бюстгалтер, который при желании можно было принять за топик. Низкий хвост, почти никакого макияжа. Вероника была права, в этом я чувствовала себя собой. Не исполняла роль, а просто была.

Когда я вышла к Руслану уже готовой, он подвёл меня к зеркалу во весь рост и развернул к отражению. Достал из кармана тонкую цепочку с небольшим кулоном и надел мне

на шею — молча, сосредоточенно, как человек, расставляющий последний штрих.

— Так идеально, — произнёс он с удовлетворением.

Я взяла подвеску пальцами и приподняла, рассматривая.

— Не переживай, — хмыкнул он. — Прозрачный сапфир.

Всё настоящее.

Я развернулась, положила руки ему на плечи и поцеловала.

— Спасибо. Мне нравится.

И вот теперь мы сидим в этой закрытой комнате, и я понимаю, что напряглась не я одна. Руслан тоже не источал радость. Это чувствовалось по тому, как он держал спину.

— Приветствую, Михаил. — Тем не менее сказал ровно.

— Познакомься, это моя Дина.

Моя. Это слово прозвучало как маркировка территории — чётко, без интонационных украшений.

— Привет-привет, Руслан. — Михаил пожал протянутую руку вальяжно, как человек, привыкший считать себя равным любому, кто сидит напротив. Потом перевёл взгляд на меня. — И Дина.

Свою спутницу он не представил. Не посмотрел на неё. Та, судя по всему, к этому привыкла. Сидела, тянула что-то из бокала и рассеянно поглаживала его бедро под столом, о чём выдавала её периодически дёргающаяся рука.

Руслан не выдержал первым.

— При всём моём уважении, Михаил, но где ты нашёл эту

проститутку?

Я затаила дыхание. Тон был спокойным, что было хуже любого крика.

Михаил хмыкнул.

— Да прислали из агентства. А ты всё такой же эстет, смотрю. — И демонстративно скользнул взглядом в мою сторону.

Руслан напрягся так, что я почувствовала это физически, несмотря на то, что между нами было расстояние.

— Ты сейчас говоришь о моей женщине, — произнёс он тихо и по слогам. — Поаккуратнее.

— Ну если тебя раздражает вид этой... — Михаил кивнул в сторону девушки в пайетках. — Детка, давай под стол. Поработай пока ртом.

Я много чего видела. Но такого безропотного согласия — впервые. Что-то холодное прокатилось по спине. Я бессознательно перевела взгляд на Руслана и увидела, что его глаза налиты кровью, а кулак на столе медленно сжимается.

— Хватит. — Он опустил кулак на стол — резко, весомо.

— Ну всё-всё. — Михаил тут же выставил ладони, неловко посмеиваясь. — Выходи давай. Погуляй снаружи часик.

Когда за девушкой закрылась дверь, Руслан подался вперёд над столом — медленно, без спешки, что было по-своему страшнее.

— Это в первый и последний раз. — Голос тихий, почти вежливый. — Если я говорю «моя женщина» — это значит,

что, оскорбляя её, ты оскорбляешь меня. Мне проще послать тебя на хй и растереть в порошок, чем терпеть подобное к себе отношение.

— Всё-всё, — примирительно произнёс Михаил. — Извини, Дина, увлёкся. — Потом повернулся к Руслану: — Ну а ты пойми: мне что, жену сюда тащить? Она меня за тридцать лет так заедала, что...

— Хоть жену тащи. Мне всё равно. Нашёл бы кого попримичнее — я бы слова не сказал.

— Нравятся мне такие, вкусы на старости лет изменились. — Он развёл руками с видом человека, который сам себя не понимает, но смирился. — Ладно. К делу. И как бы ты ни выёживался — я знаю, что нужен тебе. В России тебе никто, кроме меня, не продаст бетон, соответствующий ГОСТу исключительно на бумаге. В твоём проекте сам губер замешан. И мы оба прекрасно понимаем, что ты его крупно наеёшь на деньги.

— Ты тоже ввязался. — Руслан откинулся на спинку стула. — За такие деньги найдётся ещё желающий рискнуть. Так что своей эксклюзивностью меня не впечатляй.

— Понял, принял. — Михаил сложил руки. — Когда тебе первая партия нужна?

— В следующий месяц стройка начинается. Партия нужна через неделю.

— Могу через две.

— Через неделю. Позвони, как будет готово. — Руслан

уже смотрел на меня. — Дина, идём.

Он подал руку, помогая встать — так же естественно, как делал всё остальное. Я поднялась и не оглянулась.

В машине мы молчали. Город проплывал за стеклом — огни, силуэты, чужие жизни.

— Не понравилась компания? — нарушил тишину Руслан, и в голосе была та самая лёгкая усмешка, которая появляется, когда ответ очевиден.

— Нет. — Я смотрела в окно. Хотела бы вычеркнуть эти пятнадцать минут из памяти — не получится.

— Да уж. Чего только в голову не стукнет на старости лет.

— И часто такое бывает? Мне это ещё предстоит?

— На такие встречи я тебя больше не возьму. — Он хохотнул. — Отчебучил старый пердун, ничего не скажешь.

— Мне не смешно. — Я произнесла это ровно, без нажима. Просто факт.

В голове при этом крутилась другая мысль, тихая и неприятная: что на какой-то другой встрече, без меня, Руслан сам кому-нибудь сделает похожий жест.

— Если ты ревнуешь — не стоит. Такой ширпотреб меня не вставляет. Меня бесят эти клише: обязательно нужно переспать с секретаршей, горничной, всякой швалью. Я уже говорил — мне нужно только лучшее.

— Я не ревную. Просто... — Я не нашла слова. Точного — не нашла.

— Дина. — Он повернулся ко мне. — У любого действия

есть контекст. И именно контекст определяет, что это за действие. Убийство на войне за родину и в подворотне за кошелёк — это два совершенно разных поступка. Не так ли?

Он притянул меня к себе и поцеловал в макушку. Я не ответила. Не потому что не понимала логику. А потому что понимала слишком хорошо — и именно это было страшнее всего.

Дома я уже направилась к входу, когда Руслан остановил меня за руку.

— Пойдём поплаваем.

— Давай, — без особого энтузиазма согласилась я. — Только купальник надену.

— Не надо.

Я посмотрела на него.

— В каком смысле?

— Со мной можно. — Он подмигнул и уже шёл к заднему двору, не оглядываясь, в полной уверенности, что я иду следом.

Я шла. Не до конца понимая зачем.

У бассейна он начал раздеваться методично — сначала часы, потом ботинки, потом всё остальное, включая бельё, — и всё это небрежно полетело на шезлонг. После чего как будто только заметил меня.

— Ты всё ещё одета? — В голосе искреннее удивление, которое могло быть и искренним, и игрой. С ним никогда не угадаешь. — Я помогу.

Я отступила на шаг.

— Не надо.

— Просто поплаваем, — произнёс он спокойно, уже снимая с меня пиджак. — Темно. Нас толком и не видно.

Пока он это говорил, расстегнул брюки и присел, чтобы снять их вместе с туфлями. Потом поднялся, справился с застёжками бюстгальтера — которых там было ровно столько, сколько нужно, чтобы превратить простое действие в процесс. Присел снова — трусики. Встал.

Мы стояли у бассейна совершенно голыми, и это почему-то казалось абсолютно естественным, что само по себе было странно.

— Прыгай. — Он разбежался и с размахом ушёл под воду.

Я вошла в воду без прыжка. Осторожно, как человек, который ещё не решил, доверяет ли этому месту.

Руслан нарезал круги, я стояла на одном месте, не особенно желая плавать. Потом он подплыл, встал рядом и взял моё лицо в ладони — изучающе, насколько позволяла темнота.

— Ну как ты? Говорят, вода успокаивает.

Он говорил тихо и при этом гладил меня — то по щеке, то по плечу, то по спине — без определённой цели, просто не переставая. И я, вопреки всему, начала расслабляться. Прижалась к нему всем телом, просто, чтобы он не останавливался. В его руках было что-то, что я не умела назвать: не безопасность, нет. Что-то более сложное и оттого более опасное.

Ласки становились всё настойчивее — постепенно, почти незаметно. Руки сначала просто обнимали, потом крепко сжали ягодицы, потом начали опускаться ниже — невесомые касания по промежности, которые нельзя было назвать случайными. Я начала таять раньше, чем успела это осознать.

Когда он поцеловал меня — глубоко, без предупреждения — я застонала в его рот. Одна рука сжала сосок, вторая работала между ног. Я перестала помнить, где нахожусь.

Потом он подхватил меня под ягодицы и посадил на бортик. Раздвинул ноги. Посмотрел туда и облизнулся.

— Ты не представляешь, как я хочу тебе отлизать.

Это было последнее, что я слышала в ясном сознании.

Я откинулась на руки, потом — не выдержала — легла на бортик полностью. Он не останавливался, положив мои ноги себе на плечи, руки — на грудь. Когда пришли первые спазмы, он резко вернул меня в воду и вошёл — сразу, глубоко, задав темп без предисловий. Я не смогла сдержать крика. Он рычал мне в шею и прикусил её в самый пик.

Потом мы снова качались на воде, как в самом начале. Тихо. Медленно. Он всё ещё был во мне.

Руслан посмотрел на меня — вкрадчиво, с той особой интонацией, которая всегда означает что-то неприятное.

— Вся смена охраны только что наблюдала за горячим порно с твоим участием. — Моё сердце пропустило удар. — Камера в этой точке бассейна имеет функцию ночной съёмки. Я отлизал тебе прилюдно. Ты прилюдно кончила. Как и

я. Но мы можем позволить себе дома делать то, что хотим. Это тоже контекст. — Он снял меня с себя и выбрался из воды. — Пошли спать, поздно.

Я смотрела ему в спину.

Хищник поиграл с мышью. Мышь даже получила удовольствие. А то, что её в итоге съедят на ужин — это просто контекст.

Уже лёжа в темноте, я не удержалась.

— Руслан. Там в ресторане, тебя оскорбило то, что пренебрежительно обошлись со мной? Или с твоей женщиной?

Он помолчал секунду.

— Ты знаешь ответ.

Да. Знала. И он знал, что ответ мне не понравится.

Глава 8.

Я не ушла на следующий день.

Хотя в голове отчётливо билась мысль: «не вывожу». Я провела почти час в душе, торгуясь с собой под шум воды. Неважно, что видела охрана. Неважно, что я стала героиней фильма с возрастным ограничением. Существует такое понятие, как контекст. Это не я позировала голой — это они подглядывали.

Но с каждой такой мыслью становилось страшнее. Не легче — страшнее. Потому что я слышала в своей голове его голос. Его логику. Его интонацию.

Он технично лепит из меня куклу, которая будет верить только в ту правду, которую транслирует он. А у него самого нет никаких моральных принципов на этот счёт — есть только контекст, который он переписывает под себя по мере необходимости.

Кем я стану в итоге? Красивая кукла в дорогой одежде с чужими мыслями вместо мозгов?

Может, ну её — эту новую жизнь.

Но только кто я теперь в старой?

Я зашла в гардеробную и остановилась перед зеркалом. Шёлк домашнего костюма изящно облегал тело. На шее — подвеска. Прозрачный сапфир, всё настоящее.

Я смотрела на своё отражение долго — как на чужое. По-

том сделала выбор. Снова.

За завтраком обнаружались оба.

— Доброе утро, любимая. — Руслан произнёс это без предупреждения, как будто это совершенно обычное слово в его словаре.

Я подошла и поцеловала его в губы.

— Доброе утро, — прошептала в ответ.

Посмотрела на Богдана. Кивнула. Он ответил тем же. Лицо — стена.

— Валентина, — повысил голос Руслан, — накрой на Дину. — И уже мне, спокойно: — Присаживайся. Мы с Богданом быстро пробежимся по делам, потом позавтракаем все вместе.

Валентина уже выходила с посудой.

— Кофе чёрный, как обычно? — негромко спросила она.

Кивок. Она наполнила чашку и ушла. Я устроилась рядом с Русланом и сделала вид, что меня не существует.

— Богдан, это надо решить. — Руслан перешёл к делам без перехода. — Земля нужна мне. В следующем году там, кровь из носа, строю новый посёлок. А Воронов пытается забрать её себе.

— Руслан, он пытается забрать её не просто так, а по наследству.

— А мне какая разница? Хоть по божьему благословению. Вообще до пиды.

— Тебе-то, может, и всё равно. Только ты должен пони-

мать: просто так отжать не получится. Даже купить. Он в праве собственности.

— И что прикажешь делать? Поздравительную открытку ему отправить, порадоваться за его новое приобретение?

— Можешь и отправить. Других вариантов пока не вижу.

— Проще заказать его тогда.

— Руслан. — Богдан произнёс это негромко, но с тем особым весом, который означает «остановись». И показал взглядом на меня.

Оба замолчали одновременно.

— Ладно. Что-нибудь придумаю. Но землю не отдам. — Руслан закрыл тему.

Нам накрыли завтрак. Мы ели в тишине. Почти семейной, что было бы смешно, если бы не было так прозаично.

— Богдан, пока не забыл. — Руслан отложил вилку. — Мне нужно, чтобы ты сам занялся одним личным вопросом.

— Каким?

— Запись с камеры на бассейне. За вчерашний вечер. Смотри сам.

— Ок. — Без единого лишнего слова.

Я уставилась в тарелку. Щёки горели так, что, казалось, можно было греть руки.

— Дина, — голос Руслана был откровенно довольным, — ты не против, если Богдан посмотрит запись перед тем, как удалит? Просто не хочу поручать это никому другому.

Я подняла глаза. Сначала — на Руслана. Озорной блеск,

лёгкая улыбка в углу рта. Играет. Разумеется.

Потом — на Богдана. На долю секунды мне почудилось что-то похожее на сочувствие. Но нет — обычное лицо. Обычный взгляд.

Я прочистила горло.

— Если Богдан захочет посмотреть, как ты мне отлизываешь, — произнесла я ровным голосом, — я не против. Его право.

Руслан расхохотался. Искренне, от души, как будто это действительно была лучшая шутка сезона.

— Нет, спасибо. Я пасс. — Богдан ответил спокойно, поставил чашку. — Запись удалю. С теми, кто был на смене, переговорю.

И продолжил завтрак, как будто ничего не произошло.

Руслан всё ещё смеялся. Я посмотрела на них обоих и поняла, наконец, окончательно и бесповоротно: чтобы не сойти с ума, надо просто играть по их правилам. Безумным, непоследовательным, написанным поверх любой логики — но их. Другого варианта нет.

Остаток дня я провела у бассейна.

Выдалось редкое, по-настоящему солнечное утро — из тех, которые как будто специально созданы для безделья. Я раньше почти никогда не позволяла себе так просто лежать. Работа на износ, спортзал в свободное время, отпуск раз в год и то — в санаторий. Поэтому сейчас, лёжа на шезлонге с закрытыми глазами, я ощущала это бездействие как что-то

почти неприличное. И почти священное.

Бассейн я поначалу обходила взглядом — слишком живые воспоминания. Потом плюнула. Выбрала себя и своё желание лечь рядом с водой и ни о чём не думать.

Валентина появлялась с завидной регулярностью: то вода, то лимонад, то лёгкие закуски. Я наблюдала за ней между делом. Она всегда выходила сама, без горничных, хотя я точно знала, что в доме их двое. Что-то в этом было намеренным. Просто я пока не понимала — чьим.

— Дина, вам что-нибудь ещё? — Она подошла в очередной раз.

— Воды.

— Сейчас принесу.

Когда она вернулась с бутылкой:

— Руслан просил зайти в его кабинет.

Я не сразу поняла.

— Руслан что?

— Просил передать, чтобы вы зашли к нему в кабинет.

— Сейчас?

— Да.

Валентина отвечала на все мои тупые вопросы с одинаковым спокойствием человека, которому платят именно за это.

— Хорошо, спасибо. — Я взяла бутылку и сделала несколько жадных глотков. Мозг расплавился на солнце, пора было возвращаться в реальность.

Накинула накидку в пол, затянула пояс и пошла.

Дверь кабинета была открыта. Тишина стояла такая, что мои шаги в босоножках казались неприлично громкими. Что-то почудилось ещё в коридоре — не опасность, скорее её запах. Лёгкое, почти детское желание притормозить, перевести дух, прийти в себя до того, как войти.

Но я не стала этого делать. Они уже слышали меня.

Руслан сидел за столом — прямо, спокойно, как человек, у которого времени много, а торопиться незачем. Я переступила порог, и дверь за спиной сразу закрылась мягко, без хлопка. Именно эта мягкость почему-то была неприятнее, чем если бы хлопнула.

Я обернулась.

Богдан стоял у двери, скрестив руки на груди. Смотрел на меня без выражения, как смотрят на задачу, которую ещё не решили, но уже примерно понимают, как подступиться.

Я вернула взгляд Руслану.

— Дина, присядь. — Он указал на стул у стола — не напротив себя, а сбоку. Чуть ближе, чем нужно для официального разговора.

Я опустила ногу, закинув ногу на ногу. Полы накидки разошлись больше, чем я планировала. Я не стала поправлять. Смотреть на это оба умели, пусть смотрят.

— У нас к тебе несколько вопросов, — произнёс Руслан деловым тоном. Тем самым, который он, судя по всему, использовал и на встречах с поставщиками бетона.

— У нас? — Я намеренно выделила это слово интонацией.

— Да, у нас, — подал голос Богдан и пересел на соседний стул — видимо, решил, что мне неудобно крутить головой. Неожданная вежливость от человека, который только что запер меня в комнате.

— Хорошо. Задавайте.

Они переглянулись быстро, почти незаметно. Я не шелохнулась. В этом молчаливом обмене было что-то отработанное, давнее — два человека, которые понимают друг друга без слов и не особо это скрывают.

— Зачем ты приехала в Москву? — начал Руслан.

— Мне кажется, мы уже это обсуждали. — Я смотрела ему в глаза ровно, спокойно. — Подробнее, чем мне хотелось бы.

— Обсуждали, — согласился он. — Теперь обсуждаем снова.

— Как ты оказалась в «Монро»? — Богдан. Без предисловий, без интонационных украшений.

Я резко повернулась к нему.

— Так же, как ты и все остальные посетители — через дверь.

— Остроумно. — Он не улыбнулся. — Почему именно там?

— Потому что хотела познакомиться. — Я выдержала паузу. — Разве это не очевидно для заведения такого профиля?

— Зависит от того, с кем именно хотела познакомиться.

Вот оно. Я почувствовала, как разговор сместился едва заметно, как стрелка компаса перед грозой.

— Богдан, — произнесла я спокойно, как точку в предложении, — давайте сразу к сути. Таким темпом мы к ключевым вопросам доберёмся к завтрашнему утру. У вас рабочий день длинный, у меня шезлонг скучает.

Он помолчал секунду. Что-то в его взгляде изменилось — не потеплело, нет. Скорее сфокусировалось.

— Твоя история не складывается. — Он произнёс это без агрессии, просто как наблюдение. — Милая девочка из провинции. Цветочный магазин. Детдом, брак по расчёту, долг покойного мужа. Всё чисто, всё проверяемо. И вдруг — в двадцать восемь лет полный разворот. Продаёт себя и едет в Москву. — Он чуть наклонился вперёд. — Это не история про отчаяние, Дина. Это история про решение. Причём принятое очень быстро.

Я смотрела на него и впервые за этот разговор почувствовала что-то, похожее на уважение. Не симпатию. Именно уважение — как к противнику, который бьёт точно.

— Богдан, — сказала я, — если ты тщательно порылся в моём грязном белье, то кое-что тебе уже должно быть известно. Моего мужа убили за карточный долг. Мы с ним из одного детдома — поженились, чтобы быстрее получить квартиру от государства. Несколько лет прожили, даже привыкли друг к другу. Когда его не стало, долг перешёл ко мне. Были сбережения — не хватило. Я продала квартиру и уехала. — Я выдержала паузу. — Это не разворот. Это единственный логичный следующий шаг для человека, у которо-

го больше нет ни жилья, ни семьи, ни перспектив в городе, где все знают, чья ты вдова и сколько ты должна.

Богдан слушал, не перебивая, не кивая. Просто слушал с тем профессиональным вниманием, которое не означает согласия.

— Ты специально познакомилась с Русланом?

Я засмеялась — коротко, без притворства.

— Вы серьёзно? Я его впервые видела в том баре. И он сам ко мне подошёл. — Я с улыбкой посмотрела на Руслана. — Ты можешь это подтвердить, или мне нужен адвокат?

Руслан ответил также лёгкой улыбкой. Не подтвердил, не опроверг. Наблюдал.

— Если посадить тебя на детектор, — продолжил Богдан, — что он покажет?

— Хоть на электрический стул. — Злость прорвалась сама, чисто и коротко, как разряд. — Профайлер будет угадывать честность эмоций под двести двадцать вольт — флаг ему в руки. — Я повернулась к Руслану. — Руслан. Мы обсудили условия нашей сделки. Если что-то изменилось, скажи сейчас, без цирка. Не надо делать из меня шпиона в юбке. Или такие допросы — тоже часть истории про «ты вся моя»? Потому что мне это не заходит. Сначала меня коллекторы допрашивали — теперь вы. Можно мне хоть где-нибудь просто выдохнуть?

В кабинете стало очень тихо.

Руслан смотрел на меня долго — с тем особым выраже-

нием, которое я уже начинала узнавать: он читал не слова, он читал то, что под словами. Потом медленно растёр лицо ладонями.

Богдан молчал. Я почувствовала его взгляд — и на этот раз не стала искать в нём сочувствия. Там было другое. Что-то похожее на «интересно».

— Дин, иди в нашу комнату. — Руслан произнёс это устало — не раздражённо, именно устало.

— Мне собирать вещи? — Напускное спокойствие вернулось само. Полезный рефлекс.

— Какие вещи? — Он посмотрел с искренним непониманием. — Нет. Иди отдыхай.

Я встала. Одёрнула накидку — на этот раз поправила полы. На прощание посмотрела на Богдана.

Он не отвёл взгляда.

В комнате первым делом пошла в ванную. Закрывает дверь. Прислонилась к ней и начала дышать — нервно, по-настоящему. Чёртовы богачи. Тыкают в тебя палкой по настроению, чтобы посмотреть, побежишь ты или нет. Такое ощущение, что я только что участвовала в тараканьих бегах.

Только вот я так и не поняла — выиграла или проиграла.

Скинула халат и купальник прямо на пол, зашла в душ. Стояла под тёплой водой, не считая времени.

Очнулась, когда поняла, что в душевой нас двое.

Я резко обернулась. Руслан — полностью голый — притянул меня к себе прежде, чем я успела что-то сказать.

— Не обращай внимания. — Голос тихий, почти убаюкивающий. — Богдан параноит. Но я за это ему и плачу.

Я смотрела на него снизу вверх. Вода стекала по нам обоим.

— Хочешь, сделаю тебе приятно?

— Я хочу жёстко.

Я сказала это ровно — без надрыва, без объяснений. Просто факт. Просто то, что мне сейчас было нужно: что-то острое и настоящее, что заглушит остальное.

Он понял сразу. По глазам — понял.

— Повернись спиной. — Приказной тон вернулся, как будто его никогда и не было другого. — Прогнись. Держись за стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.